

ДМИТРИЙ РИДИГЕР

СЮЖЕТ, КОТОРЫЙ НЕ ДАЕТ РАССЛАБИТЬСЯ!

СЕМЬ

Дмитрий Ридигер

Семь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41608895

ISBN 9785449640314

Аннотация

Очень разные человеческие миры. Вроде бы благополучные, но каждый пережил свой апокалипсис. А может, он был общим для всех и все еще продолжается? И зачем – а главное, кем? – собирается команда из представителей этих миров, которая проходит через непривычные опасности на разных планетах, участвует в космических сражениях и выпутывается из сложных ситуаций?

Содержание

Часть I	5
Часть II	96
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Семь

Дмитрий Ридигер

© Дмитрий Ридигер, 2019

ISBN 978-5-4496-4031-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Сброс скорости, поворот к открытому створу ангара, левым крылом в миллиметре от края люка, еще легкий доворот – все.

Тридцатый заход завершен. Юбилейный, можно сказать.

– С возвращением!

Голос прозвучал тихо, но будто бы сразу отовсюду.

– Спасибо, Семеныч!

Чуть дрогнув последний раз, «Оса» замерла, мягко погасила подсветку и свернула в рулончик блистер. Попутно намекая эмоциональным блоком, что «всё мол, родной, на сегодня, отлетались, пора и честь знать».

– Как техника?

– Да как тебе сказать... Всё-таки эта «Оса», похоже, женского рода.

– В смысле?

– У предыдущей тот же эмо-намёк ощущался как «хоп, приехали, выметайся давай!». Эдакий «Ос» был. Или «Шершень». Драккар космический, суденышко пиратское. Мелкое и задиристое. Даже жаль, что вчера в расход пошел.

– Такая техника здесь долго не живёт, сам знаешь.

– Знаю. Но суденышко все равно жалко... А в целом – мне так наоборот забавно, что вблизи Объекта теория вероятности с ума сходит. И вслед за ней и творения рук челове-

ских.

– Дозабавляешься когда-нибудь...

– Да ладно, Семеныч!

– Ладно, не ладно – поосторожнее будь!

– А что б не сделать кораблики побезопасней-понадежней, а?

– Это ты так неуклюже тему переводишь? Ну ладно... Сам прикинь: конструировать специальные, сверхнадежные, с многократно продублированными внутренностями – по трезвому размышлению, дело долгое и накладное. Типовую машинерию проще латать да почаще менять.

– И хорошо, между прочим. А то налепили бы к Станции модулей здоровенных. Народу б нагнали так, что в коридорах не протолкнуться. И вообще...

– Точно. Кстати, не забывай – еще и инспекции всякие, с начальниками всех мастей, визит за визитом... А еще испытания, проверки, перепроверки... Короче – строгости побольше, толку поменьше.

– Точно. Уж лучше, как сейчас – хоть поспокойней. Толку все равно ноль.

– Ну, не так чтобы совсем ноль...

– Да ноль, ноль – зачем лукавишь? Положа руку на сердце – ведь не желает Объект поддаваться разуму людскому, дерзкому и пытливому, хоть ты тресни!

– Терпение и труд...

– Ой, только не надо мне вот это вот, в сотый раз!

– Ладно, иди уж...

Лео кивнул, посидел еще пару секунд неподвижно, а потом мотнул головой и бодро произнес:

– Ну, все, хватит хандре предаваться! Неуместной. Мы еще повоюем! На благо человечества. Всего. Не славы ради, а чести для!

После чего резко выдохнул, ткнулся животом в упругий борт, свесился, уперся ногами в кокпит и аккуратно вывалился из кабины лицом вниз, раскинув руки.

Рванувшийся навстречу пол мягко принял и поставил на ноги пилота.

Потом, чуть замешкавшись, повернул лицом к выходу. И снова стал ровным, послав мысленный укор напоследок.

Подмигнув полу, Лео коротким движением одернул несуществующий мундир и, выпятив грудь, быстро зашагал к выходу из причального модуля.

Войдя в коридор и с ходу проскочив зоны контроля и дезактивации, тем же бодрым шагом направился к шахте эскалаторных горок. Вскочил, не задерживаясь, на протянувшийся навстречу белый желоб и, взявшись рукой за его пушистый край, расслабленно замер на полминуты – предоставляя возможность эскалатору, шевелящему ворсинками по ногам и руке, доставить себя к жилой палубе.

Правда, на последних метрах не сдержался – упал на спину и лихо съехал, попытавшись так же лихо вскочить. Словно на авральных тренировках.

Лихо вскочить не вышло, левая нога оказалась чуть впереди правой и корпус слегка повело в сторону, пришлось взмахнуть руками.

– Вот бестолочь, при аварии гравитацию на палубах уменьшают... – пробормотал он под нос и виновато огляделся.

Но, не увидав ни единого свидетеля конфуза, вновь приободрился и направился к своей жилой секции, небрежно чиркнув указательным пальцем по матово-желтой поверхности стены.

* * *

Зря переместился за этот бугорок. От песочного наваждения, свойственного глубоким пещерам, вроде избавился – но может, оно и к лучшему было? Как только голова прояснилась, сразу же всплыли мысли о безрадостном будущем. Что ж, человеку с европейским складом мышления это свойственно.

И почему я на Востоке не родился?!

В Индии где-нибудь, или Китае. Вон тот же Ли, как спокойно ко всяким неурядицам относился – не стоически, а просто принимал как должное. Жил себе сегодняшним днем, и все. Что, впрочем, ума ему не убавляло.

А мы только прошлым и будущим жить умеем, постоянно сравнивая их друг с другом.

Правда, раньше это «только» помогало. И модуль передвижной, на котором в пещере этой оказались, благодаря уму все же европейскому построен – хоть и полно в нем деталей, на родине Ли изготовленных.

Да и я жив – а где он, Ли? Стоп! Так бог знает до чего додуматься можно.

А до чего, кстати?

Например, что начать тренировать космонавтов в глубоких пещерах – было не самой лучшей идеей...

Связь, что ли, включить? Нет уж, от последнего диалога со сменой, состоящей из соотечественников Тома – яркими представителями вроде бы сходного склада мышления, – до сих пор осадок на душе.

« – Извини, Петр. Мне тяжело, но я должен сказать честно – вытащить тебя невозможно. Техника проходит последние тесты, но даже если их максимально ускорить, бурить начнем не раньше начала сентября. Плюс пару месяцев проходка – если без сбоев, сам понимаешь.

– Ну спасибо, порадовал. А ты это все к чему говоришь?

– Слушай, Петр. Мы все с тобой, и будем с тобой постоянно. Слышишь, парни подтверждают? Слышишь? И система связи откорректирована, так что сбоев больше не предвидится.

– Да слышу, слышу я... Ага, такая популярность... ни минуты без внимания... И всей бригадой будете внимательно ловить каждый звук – даже когда я тужусь, наевшись бурды

из этой трубочки...

– Ха-ха, точно! Отлично сказано!

– Ты хотел сказать – будете со мной до конца?

– ...Да... Да, Петр.

– Спасибо, утешил. И уроните скую слезу, записав мои последние хрипы... Нет, это я так. Не обижайся. Правильно, что сказал. Слушай, а ты можешь сейчас поставить мне музыку? Хоть раз в жизни послушаю музыку по радио без рекламы.

– Конечно! Уже ищем! И рядом со мной стоит Пол, дежурный психоаналитик, он тоже советует поставить тебе что-нибудь жизнеутверждающее. Вот, нашли! «Peppermint twist» пойдет?

– Пойдет. А Полу передай спасибо, но я совсем не уверен, что психическое здоровье – это то, что мне сейчас позарез нужно. И знаешь... не удивляйся, если я отключусь. Пойми правильно, но мне так спокойней. Телеметрия от скафа вам все равно идет, когда тужиться буду, так и так узнаете. Да и аварийный передатчик мне неподвластен – свяжетесь, если что. А я всегда буду знать, что вы готовы ответить. Договорились?

– Договорились. И мы все будем... каждый из нас... а-а, дерьмо!... извини... Так я включаю музыку?

– Включай.»

И правильно, что прервал связь. Постоянно ощущать тщательно скрываемое сочувствие и готовность услужить по ме-

ре сил заживо похороненному, срок смерти которого пред-
решен с точностью плюс-минус час, если чего не натворит –
выше сил.

Лучше уж так – спокойно и не теряя достоинства.

А игру в исследователя, по обоюдному согласию с Центром, ненавязчиво закончили неделю назад. Приборов и инструментов нет, даже камера на плече разбита... в конце концов, бродить по окрестностям, ковырять перчаткой или ботинком камни и потом слать устные отчеты нулевой ценности, но при этом обеим сторонам делать вид, что доклады имеют огромную научную значимость – глупо и унижительно.

Ребят из Центра можно понять, им мою агонию наблюдать тоже не сахар. Но после смены они пойдут домой или по барам и подружкам, а мне тут бессменно таращиться на вот эти три царапины на аварийном блоке, периодически оглядывая надоевший хмурый пейзаж и возвращаясь взглядом к тем же царапинам, как к чему-то более родному.

Период бестолковых метаний по окрестностям прошел, место обвала осмотрено, найдены два исправных аварийных блока и потом в тщетной надежде все осмотрено еще трижды, апатия тоже позади, наступило просто спокойствие. Поспать, размяться, поесть-попить, нужду справить, прилечь поудобней и опять рассматривать царапины, думая о вечном... Спокойно осознавая, что ресурсов батарей хватит на два-три остатка жизни типа того, что тебе теперь от-

мерен...

Жаль все же, что в свое время к буддизму не приобщился! Самосовершенствовался бы себе потихоньку... А там, глядишь, и отлетел незаметно... Осталось-то всего-ничего, дней семь...

А что это царапинки мои как-то посветлели? Оп-па! Сте-ночка прозрачная перед ними... В глазах плывет, даже буд-то тяжесть навалилась... Моргнем... Не прошло... Еще раз моргнем... Все. Прошло наваждение.

Та-а-ак, галлюцинации начинаются. Накаркал... Газы подземные в систему дыхательную просачиваются? Или крыша сама поехала?

Может, и впрямь на связь выйти?! «Ребята, мне тут сте-ночка такая прозрачная мерещится, и сила тяжести меняет-ся...»

Нет уж, пусть Пол себе научное имя на ком другом зарабатывает!

Сейчас подышим чуть поглубже – дыхательную смесь по-расходуем, конец свой чуть приблизим, но хоть в разуме остаться попробуем...

* * *

Лео вышел из душа, прилепил таблетку свежего комбине-зона к плечу и расслабленно рухнул в кресло. А пока таб-летка разворачивала свои пленки и, облепляя ими тело слой

за слоем, слегка щекотала ноги и спину, мысленно вызвал меню кухни. И не торопясь принялся просматривать повисшие в воздухе строчки.

Выбрав рагу из овощей с курятиной по-индийски и сок манго, для верности увеличил изображение блюда, приблизил к носу. Понюхав, удовлетворенно кивнул, подтверждая заказ. После чего встал, прошелся туда-сюда и машинально поправил стоящий на специальной поставке памятный сувенир – стилизованный под старину плакатик, распечатанный в давно забытой манере на полупрозрачной пленке, непривычно вычурным шрифтом, и в таком же в старомодном стиле залитый пластиком:

«...Открытый двенадцатой звездной, направлявшейся к Сириусу, но заброшенной благодаря блуждающей пространственной аномалии сюда, Объект сразу привлек к себе внимание слабыми гравитационными всплесками, резко меняющим составляющие спектра электромагнитным излучением и даже колебаниями размера в пределах 1 – 0,8 миллионной своего среднего диаметра. Подивившись на чудо и отчаявшись установить закономерности в его изменениях, экипаж благоразумно последовал инструкции и, не делая попыток приблизиться или применить активные методы исследования, благополучно вернулся к Земле.

К Сириусу экспедиция отправилась с опозданием на два года, а вот открытая в соседнем рукаве Галактики звезд-

ная система фиолетового гиганта дождалась первых серьезных исследователей только спустя четверть века, после кропотливого изучения скудных материалов с «Сириуса-прим» и малоуспешных попыток дистанционного наблюдения из Солнечной системы...»

*Автосинтез инфо,
формат «краткий»,
источники «общие».*

Задумчиво пощелкав ногтем по пластику, Лео вернулся в кресло и уселся, хлопнув ладонями по подлокотникам.

Раздался мелодичный сигнал-запрос коммуникатора.

– Лео, привет еще раз! Отлетал? Что делать собираешься? Гостей примешь?

Повисшая над столом голова Дана буквально всеми своими мышцами изобразила вопросительную гримасу.

– А не много ли вопросов сразу? Ладно, заходи уж, отвечу. Я вообще-то пойти поесть собирался, но можно и дома. Сам-то пообедал?

– Нет, не успел еще. Вот у тебя и перекусим. Мы с Тимом зайдем, ладно?

– Давайте, жду.

Через минуту, в еле успевший открыться дверной проем, ввалился рыжеволосый, кряжистый Дан, ухмыляясь во всю ширь веснушчатой, добродушной физиономии.

– А Тим где?

– Придет сейчас, куда денется! В лаборатории застрял,

какой-то свой очередной дырн-дырын-метр докалибрует и придет. Как слеталось?

Дан повернулся вполоборота, сделал десяток шагов к столу и, крикнув, основательно угнездился в кресле напротив Лео.

– Да обычно, ничего особенного. Прошел по касательной границу объекта, попробовал разок ткнуться в нее – по-прежнему не пускает, зараза. Сбоев у приборов не было, Тима работой на пару дней точно обеспечил. Но как-то все впустую это, сам знаешь. Хочется верить, что пока впустую.

– Интересного ничего не заметил?

– Да нет, вроде. Колебания спектра и гравитации как всегда хаотичны, линейные размеры не менялись. А что? И вообще, ты с чего такой довольный?!

Дан опять расплылся в улыбке, откинулся назад и положил ногу на ногу.

– А скажи мне, друг Лео, давно ли ты не слушал флотских баек?

– Давно, с курсантских времен. Радует, что новую услышал? Или сам сочинил?!

– Нет, не сочинил. Но сейчас придет Тим и расскажет тебе свою версию истории о страшном призраке космонавта, беды и аварии предвещающем. Клянется, что своими глазами видел, как... А, вот и наш Тим!

В дверном проеме появился Тим – высокий, худой, нескладный, – и, по своему обычаю, потер пару раз подош-

вами ботинок о прозрачную пластину порога, будто стирая невидимую грязь, затем сделал шаг вперед и вопросительно замер.

– Привет, Тим! Все за гигиену борешься? – поприветствовал его Лео и указал рукой на стоящий рядом со столом диван, – Проходи, садись!

– А он у нас еще в студенчестве на ретро-ферме практику проходил, – радостно подхватил Дан, – вот навоз ему с тех пор всюду и мерещится!

Пропустив мимо ушей привычное зубоскальство, Тим смущенно улыбнулся, прошел к дивану и уселся в два приема, напоминая складывающийся плотничный метр из политехнического музея. Усевшись, положил одну лопатообразную ладонь на острое колено, другой оперся о сиденье и поднял глаза на Дана.

– Ну что, рыжий, рассказал уже?

– Нет, только предвосхитил. А леденящие душу истории лучше слушать из уст очевидцев!

– Змей ты...

– Уж кто змей, так это ты, уважаемый! Телосложение более подходящее...

– Да хватит вам! – Лео нетерпеливо дернулся, попутно мысленно ответив на запрос кухни, что обед нужно подать в жилой модуль. – Давай Тим, рассказывай!

Дан насупился и замогильным голосом произнес:

– Да! Не томи и повествуй нам, скальд!

– Нет, подожди секунду, – Лео повернулся к Дану. – Есть-то будете? Мне сейчас доставится, так что закажите сначала.

– Будем-будем! Кухня, мне плов и чай как всегда! А скальду – свинину томленную и змея жареного...

– Эх ты, братец, отношение ко мне через меню выразил! Ладно, не извиняйся... Кухня, я буду кофе с молоком. Я обещал.

Возникла пауза, и Лео с Даном вопросительно уставились на Тима.

– Ну, рассказывать особо нечего...

– Давай-давай, не томи! – подстегнул его Дан.

– Да вот... В общем, иду я утром в лабораторию, часов в девять. Прохожу по жилому уровню. Только миновал поворот к бассейну, как вдруг точно стукнуло в голову – показалось, что в коридоре, как раз ведущем к бассейну, кто-то на полу сидит. Вернулся, заглядываю в коридор – и впрямь, вижу фигуру! В древнем скафандре салатного цвета, полупрозрачную такую... Сидит себе бочком, на локоть привалился и в противоположную стену уставился. За стеклом шлема даже увидел, как глазами моргает. В шлеме лица не видно было, а вот глаза разглядел. Напряженные такие глаза... Вот, собственно, и все. Через пару секунд он просто пропал. Беззвучно, без вспышки. И без запаха серы. А я в лабораторию пошел.

– А с чего ты взял, что это был он? Может, она?! – спросил Дан и аж слегка привстал в кресле.

– Ни с чего. Просто глаза мужские были. А ты даже с предвидениями спариваться готов!

– Ну, если они симпатичные и к сексу способные...

– Постой, Дан! – возбужденно сказал Лео и повернулся к Тиму всем корпусом. – Судя по всему, ты к этому случаю как к простой игре воображения не относишься! Наверняка сходил и у автодоктора проверился, а уж потом к живому доктору Дану пошел. И уж точно саму Станцию спросил, не заметила ли чего!

– Конечно. Стал бы я делиться подробностями бреда...

– Ну, и что говорит Станция?

– Странное говорит... Зафиксировала краткосрочное увеличение массы килограммов на сто. Но отнесла это на шутки нашего Объекта, так как именно в это время он проявлял гравитационную активность. А визуальное наблюдение показало лишь мою спину – там единственное место, где только одна голокамера, остальные за поворотом. Прочих изменений – температурных, яркости и спектра освещения, плотности и состава воздуха – в коридоре не было. И пол со стенами ничего не почувствовали.

– Да, дела! – Лео задумался. – Изменение массы есть, но точно не локализовано. Коридор к бассейну проходит недалеко от борта, обращенного к Объекту. Больше ничего нет, кроме слов Тима...

– И видеозаписи его изумленной спины, – добавил Дан.

В этот момент круглый журнальный стол вывернулся

внутри и извлек из себя заказанные блюда и столовые приборы, аккуратно расставив их. Затем слегка попрос, раздался вширь и перекрасился из бледно-желтого в яркие цвета веселенькой, клетчатой скатерти.

Все, как по команде, повернулись к еде. После чего повисла короткая пауза, прерываемая лишь утробным и жизнерадостным мычанием Дана.

– А Семенычу уже доложили поди? – с набитым ртом спросил Лео. – Он-то что говорит?

– Что он может сказать... – ответил Тим, наклонившись к столу и аккуратно ставя чашку с кофе на блюдечко. – По-ворчал, как всегда, на наше хлипкое здоровье и неумение распределять нагрузки в работе. Посмотрел показания Станции и автодоктора... ну, и велел рапорт подать. К вечеру.

– А ты что скажешь, доктор? – чуть помолчав, снова спросил Лео.

– Видишь ли, пилот, – Дан с показной неохотой оторвался от тарелки. – Наш Тим сам по себе случай очень интересный и малоисследованный, и я бы с радостью попрактиковался в клинической психиатрии... Все, молчу, молчу! – Дан шутиливо закрылся рукой, увидев, как предостерегающе дернулся Тим. – А если серьезно, то вряд ли у меня появился пациент. С головой у него все в порядке, а потустороннее – не по моей части. Это как раз к нему вопрос, к пациенту несостоявшемуся!

– А пациент несостоявшийся что думает? – спросил Лео.

Тим сдвинул брови, наклонился вперед и сцепил в замок свои лапищи.

– Я тут архив Станции запросил – ничего похожего не было за тридцать шесть лет ее существования. Потом поразмыслил, и вот что мне кажется – если взять данные факторного анализа по гравитационным возмущениям Объекта за последние...

Его прервал вызов коммуникатора.

– Да, Семеныч! Здесь мы! – откликнулся Лео.

– Хорошо, что здесь, орлы. Кормитесь и Тима пытаете? Правильно пытаете. Тут, похоже, опять его привидение нарисовалось – как раз у границы Объекта. Так что Тиму по местам стоять, а Лео с Даном – марш на взлетную!

Лео и Дан сорвались с мест и бегом устремились к двери жилого модуля, на ходу слушая вводную.

– Лео, берешь свой борт, Дан – на спасательном «Соколе», ведомым. Чтоб ведущего подстраховать, если что. За вами выпущу еще десяток «Ос» на автомате. И поаккуратней там!

Стремглав пролетев коридор, вскочили на эскалатор, рванувший в ускоренном режиме. Схватившись за поручни, посмотрели друг на друга.

– Ну что, доктор, случай не клинический?

– Какое там... – Дан взволнованно сверкнул глазами. – Хотя как сказать! Ко мне в медблок призраков еще не притаскивали! Попрактикуемся! Если живой он, конечно...

Спрыгнув с эскалатора, пронеслись через зону контроля

и выскочили на взлетную палубу.

Дан приостановился, озираясь, забыв о бегущих по полу указательных стрелках. Лео, заметив это, на бегу коротко махнул рукой в сторону третьего причала:

– Вон твой «Сокол», седлай! – и с ходу взбежал по поднявшемуся пандусом полу к кабине своей «Осы».

Запрыгнув в кабину, мысленно поприветствовал летунью, затем откинулся на спинку сиденья, положил руки на протянувшиеся к ним подлокотники управления и закрыл глаза.

Процесс слияния с «Осой» всегда был волнительным – сначала еле заметные тычки множества сигнально-компенсационных щупальцев в грудь, живот и ноги, потом появление зрения с возможностью выбора спектра, и, наконец, нарастающее чувство физического слияния с машиной – не полного, не до конца, а просто ощущения продолжения в ней собственных органов и конечностей.

Говорят, что старые и опытные пилоты летают расслабленно, не шевелясь и не тратя ни единой калории на мышечные усилия, управляют только мысленно. Лео так не умел – обязательно шевелил руками, ногами и туловищем, не всегда даже отдавая себе отчет, мускульная или ментальная команда прошла первой. Разумом вроде понимал, что ментальная – но порой казалось, что мышцы сами принимают решение, опережая сознание.

Слившись с «Осой», по уставу отрапортовал:» – Борт семь-восемь, к сходу готов!», и стал ждать замешкавшегося

с непривычки Дана.

Секунд через пять почувствовал намек о готовности «Сокола», вслед за ним – устный рапорт «один-шестого».

И долгожданное:

– Бортам семь-восемь и один-шесть – сход разрешаю!

Лео приподнял нос кораблика и, привычно волнуясь, двинул челнок к шлюзу, чуть быстрее обычного.

Дану, видимо, тоже не терпелось – более громоздкий и неуклюжий «Сокол» подошел к своему шлюзу одновременно с «Осой» и так же повис, чуть дрожа оранжевым брюхом в струях горячего воздуха.

– Семь-восемь, запрос на выход!

– Один-шесть, запрос на выход!

– Семь-восемь, один-шесть, выход разрешаю!

Пройдя шлюзы, замерли в нетерпении, в ста метрах друг от друга и двухстах от борта причального модуля.

– Бортам семь-восемь и один-шесть. Старт по программе «один-пара», Дан ведомый. Выход к Объекту по нормали. Далее – сами решайте, по обстановке. «Осы» поддержки – сзади полусферой, дистанция ноль-один мегаметра. Привидение Тимово сейчас болтается у самой границы Объекта, где-то в надире. Старт разрешаю.

– Семь-восемь, есть старт!

– Один-шесть, есть старт!

«Оса», как обычно, словно в нетерпении, прорисовала корпусом мелкий крестик и рванула с места.

Лео заложил лихой вираж, послал Дану образ движения и еще ускорился.

У того хватило ума синхронизировать свой шлюп с «Осой», и «Сокол» провел маневр не менее залихватски, несмотря на видимую неуклюжесть.

Лео непроизвольно улыбнулся.

– Молодец доктор, соображаешь!

– Дык, не пальцем деланы... Понимаем, что к чему в этой посудине!

– Молодец, правда! Мы сейчас на нормали, пока можешь расслабиться. А когда подойдем к Объекту и сядем на сферу смены траектории – я дам знать, – отстань на километр и оставайся чуть левее и выше, так будет лучше наблюдать.

– Принято. Веди нас к славе, пилот!

До Объекта – еще восемь минут. Лео привычно огляделся. Вверху и внизу – только черный космос с россыпью далеких звезд. За кормой, как привязанные, висят «Сокол» и «Осы» сопровождения. Еще дальше – съезживается в точку Станция, позади нее – планета, так и не получившая имени, мягко сияет большим серпом в полнеба, пересеченным полосами бесконечных вихрей. Видимый кусок тоненького кольца вокруг нее резко обрывается косым срезом на границе тени, образуя крутую петлю. Из четырех спутников виден только один – маленькая, грязно-коричневая скобка с редкими синими искрами – остальные оказались в этот час позади газового гиганта. А шарик местного светила чуть сбоку, посыла-

ет к планете свой тревожный, недобрый, фиолетовый свет.

Кинув беглый взгляд вперед, на полосу Млечного Пути, Лео сосредоточил внимание на пятом спутнике планеты, единственном в этой системе получившем хоть и невразумительное, но собственное имя – Объект.

Включив максимальное увеличение и попросив «Осу» добавить к зрению инфракрасный спектр, Лео пошарил глазами вокруг медленно набухающего темного круглого пятна, затмевающего звезды одну за другой. И нашел маленькую точку внизу него, почти на границе зоны непроницаемости.

– Дан! Точка рядом с границей, точно в надире, если смотреть с поверхности Объекта. Может, успеем! И массу приборы показывают, и спектр постоянный, только медленно яркость меняет – похоже, вращается. И холодный, почти абсолютный ноль.

– Что ж ты хочешь, призраки не могут быть горячими – от них замогильным холодом веять должно... Ага, вижу. Гляди-ка, не исчезает. Похоже, здесь кувыркаться ему уютнее, чем по Станции шастать.

– Циник вы, доктор. Все, подходим к сфере поворота. Притормаживай.

– Есть, капитан! Притормаживаю.

– Когда начну развешивать капсулы с приборами – не зевай!

– Принято.

Лео плавно опустил нос «Осы» и тоже начал постепенно

гасить скорость. Объект будто почувствовал и запустил очередное свое изменение, «включив» электромагнитное излучение – из угольно-черного постепенно перекрасился в темно-бордовый.

Такие изменения с небесным телом размером чуть поменьше земной Луны происходили постоянно, но Лео никак не мог привыкнуть, и каждый раз восхищенно таращился, наблюдая за ними. А в этот раз только быстро глянул и опять уперся взглядом в светящуюся точку, будто боясь потерять ее.

Точка росла, и при максимальном увеличении начала приобретать вытянутую форму, становясь похожей на неторопливо вращающийся эллипс.

– Только бы успеть, прежде чем он исчезнет!

– Постарайся, шкипер! А я за тебя палец большой в кулаке подержу!

– Один-шесть, отставить посторонние разговоры! Не отвлекай семь-восьмого. Первый раз что-то интересное за столько лет!

– Понял, молчу!

Лео уже приблизился к привидению на расстояние километра. Точка приобрела явственные контуры человека в старинном скафандре, с полусогнутыми ногами и руками, чуть разведенными в стороны. Не шевеля конечностями, фигура медленно поворачивалась через голову, как в замедленном кувырке. Через пол-оборота затмила далекую звезду,

но звезда лишь чуть потускнела, продолжая светить сквозь бедро призрака.

– Смотрите, и впрямь привидение! – взволнованно произнес Лео и дал команду на отстрел автономных исследовательских капсул. Чуть вздрогнув, «Оса» выпустила через открывшееся в брюхе отверстие веер из ста сорока серебряных яиц, похожих на мячи для регби. Быстро построившись в вертикальную относительно кораблика плоскость, капсулы, не мешкая, устремились к полупрозрачной фигуре, и через минуту окружили ее, перегруппировавшись в стометровый шар.

– Так, пошли показания! – раздался неожиданно хриплый голоса Дана, – масса 104 килограмма, цвет скафандра действительно салатовый, не ошибся Тим, температура ноль-три градуса, а вся биометрия на нуле. Слушай – может, он просто из прозрачного материала?

– Скоро пойдем. А показания и сам вижу.

– Извини, забыл как-то...

Следуя программе, капсулы начали движение, сжимая ажурный шар вокруг фигуры, и только восемь из них остались неподвижными, замерев в вершинах невидимого куба.

– Если получится, сейчас захватим и отбуксируем к Станции, – тихо, словно боясь спугнуть, прошептал Лео, сосредоточенно глядя вперед и одновременно отслеживая висящие перед носом контурные картинки с данными об уменьшении диаметра шара из капсул и сокращении расстояние до него.

Капсулы приблизились к таинственной фигуре на полсотни метров и замерли. Через мгновение три из них стронулись с места и начали медленно приближаться с разных сторон к призраку.

Фигура вдруг на мгновение исчезла, будто мигнула, побледнела и пропала окончательно. Капсулы растерянно замерли.

– Ну, вот и все... – разочарованно выдохнул Лео.

– Нет!!! Справа, второй стерадиан, сто тридцать два километра от меня! – задыхаясь, скороговоркой выпалил Дан.

– Ничего себе! В жмурки играет! Что ж, значит поиграем. Я с капсулами пойду к нему, держись по-прежнему сзади.

Лео рывком подвинул «Осу» к начавшим собираться в комок капсулам и приготовился принять их на борт.

– Лео, пошла биометрия! Ожил, родимый!

– Откуда пошла?! Хм, правда идет...

– Он, похоже, одну капсулу с собой прихватил.

– А остальные не заметили пропажи и молчат?!

– Кто их знает, яйца эти безмозглые... Слушай, наш призрак дрейфует к границе Объекта, а если он и вправду живой, то уже ненадолго – до касания минут пять. Скафандр-то древний, вряд ли выдержит!

– Так... Семеныч, я попробую его перехватить. Дан, подбери капсулы и двигай за мной.

– Семь-восемь, давай без самодеятельности!

– Семеныч, это ж живой человек!

– Человек... А если это не пойми что, под человека замаскированное?!

– Разберусь на месте... Дан, не отставай!

Лео повернулся на восемьдесят градусов вправо и с ускорением двинулся на перехват по пологой параболе, снижаясь к Объекту, который уже успел перекраситься и стать бледно-розовым. Медленно растущая в поле зрения фигура продолжала кувыркаться через голову, постепенно приближаясь к невидимой простым глазом границе.

Сзади уже начал догонять собравший капсулы Дан, почти точно повторяя траекторию Лео.

Вдруг «Осу» ощутимо потрянуло, затем резко потянуло вниз. Взыли двигатели в попытке скомпенсировать возросшее притяжение, но через секунду все прекратилось. На поверхности Объекта медленно гасла яркая красная полоса.

– Дан, Объект начал играть локальными гравитационными всплесками, полоса аномалии – по второму меридиану. Возьми на километр выше.

До ожившего привидения осталось совсем немного.

« – Если все пойдет без изменений, можно успеть, даже с запасом... Нет, уже не пойдет... Но должен успеть!», – пронеслось в голове Лео, увидевшего, как почти точно под ним опять начало набухать красным.

Лео рванулся по прямой.» – Успеть, успеть!», – забилося в голове.

Чуть задрав нос и постепенно увеличивая мощность дви-

гателей в стремлении компенсировать возрастающее притяжение, он с ужасом заметил, как фигура космонавта в архаичном скафандре тоже ускорила и начала все быстрее приближаться к границе, визуально обозначенной приборами зеленой пунктирной сеткой.

Вспомнив о Дане, кинул беглый взгляд назад. «Сокол» заложил пологую горку и приближался чуть сверху.

Придав «Осе» максимально возможное ускорение, Лео приготовился поднырнуть под призрака.

Неожиданно следовавший позади шлюп слегка просел на корму и начал прогибать траекторию, опасно сближаясь с границей.

– Дан, возьми вверх и влево. Ах ты... влево, говорю! – закричал Лео, увидев, как «Сокол» потянула к себе красная полоса внизу. – «Сокол», курс тридцать градусов влево, тангаж на максимум! Форсаж! Все, замри, рулю тобой сам!

Шлюп с натугой повернул нос и начал задирать его вверх, все еще продолжая оседать.

Дан молчал.

Тем временем, призрак оказался уже совсем рядом. И выглядел вовсе не призраком, а вполне реальным человеком в скафандре. Который через несколько секунд закончит кульбит, ткнувшись лицом в границу.

«– Эх, поднырнуть не успеваем!». Сбросив скорость и положив «Осу» на бок, Лео выпустил из ее брюха два гибких захвата, направляя их в сторону человека.

« – Так, чуть ближе пройдем. Не чиркнуть бы крылом, завалюсь тогда... Давай... Давай, родной... Есть захват!»

Пронесшись в пяти метрах, Лео поймал человека вместе с действительно маячившей рядом капсулой и начал подтягивать к себе, одновременно выворачивая «Осу» и «Сокол» вертикально вверх, на пределе стонущих двигателей. Кинул взгляд на шлюп – тот, брызжа искрами от все же зацепившего границу днища, тяжело поднимался прочь от Объекта.

Ф-ф-у, теперь можно перевести дух. Вроде обошлось.

– Дан?

– Да здесь я...

– Ну, слава богу! Я уж подумал, что ты отключился.

– Нет, просто растерялся как-то. А когда ты управление перехватил – вообще в ступор впал.

– Ладно, не огорчайся, бывает. Ты ж не профессиональный пилот.

– Зато ты у нас ас! Двумя посудинами одновременно у границы порулить – это было лихо!

– Не преувеличивай, льстец!

Переключив внимание на «Осу», Лео убедился, что спасенный человек (или не человек?) надежно помещен в выросший под брюхом кокон, и устало прикрыл глаза.

* * *

Теперь вот белое все кругом. Потолок, стены. Ясно, ти-

пичный стереотип больницы. Только простыня почему-то пушистая.

Похоже, бред перешел в устойчивую фазу. Может, просто отравился едой или дыхательной смесью? Или зловердные подземные газы в скафандр просочились? Сначала мерещились кошмары – кувырки в космосе недалеко от Юпитера, падение на розовеющий Марс с низкой орбиты, потом налетело жуткое голубое насекомое с ажурными крыльями, протягивало свои загнувшиеся лапищи... А сейчас вот образ медучреждения. Видать, как символ близкого конца мучений. Хорошо, что хоть не морг привиделся...

Судя по всему, в разуме остаться не получилось, и теперь майор окончательно и бесповоротно тронулся.

Ну и ладно. Больница так больница. Тепло, спокойно. Отдохнем пока, поспим...

– Доброе утро, Петр Евгеньевич!

Вот-те раз! Теперь и посетители пошли. Судя по голосу, наш вахтер из тренировочного корпуса. Он-то почему примерещился?! Хотя, именно вахтера увидеть в такой ситуации вполне логично. Какой-никакой, а коллега Святому Петру...

Хорошо. Глаза приоткроем, поздороваемся. Нет, не вахтер. Какой-то рыжий крепыш, улыбается во весь рот, аж светится. И одет в зеленый балахон, больше присущий медику. Что ж, тоже логично.

– Как спалось, Петр Евгеньевич?

– Спасибо, неплохо. А вы тут какими судьбами?

Крепыш на секунду опешил, потом рассмеялся.

– Я, Петр Евгеньевич, тут работаю и живу, а вот ваше появление было несколько неожиданным и весьма оригинальным!

– Ну да, аки дух бесплотный...

Рыжий окончательно развеселился, аж по колену себя хлопнул.

– Именно, Петр Евгеньевич, именно!

Потом посерьезнел и доброжелательно глянул умными глазами.

– Не волнуйтесь, и не гадайте, Петр Евгеньевич, вы в здравом уме, и мы на этом свете. И я во плоти, и вы.

– В таком случае, где мы, кто вы и откуда знаете мое имя?

– Ну, имя узнать было не сложно – оно на вашем скафандре написано. Потом мы дали запрос в информационную сеть и узнали ваше отчество, а заодно и биографию геройски погибшего участника подготовки второй марсианской экспедиции. Кстати, ваше тело так и не было найдено. Надеюсь, что сейчас вижу именно его, и вы не сотворенный чуждым и враждебным разумом двойник, заброшенный к нам с целью поработить и уничтожить несчастное человечество.

– Я тоже надеюсь... А к нам – это куда?

– Относительно недалеко от Солнечной, семь с небольшим сотен световых лет, более точный адрес вам будет пока непонятен. Локальнее – на космическую исследовательскую станцию «Эпсилон-бета-семь», можно просто Станцию

как имя собственное, с экипажем в четыре человека. Один из них – перед вами, ваш покорный слуга. Я местный врач, и меня зовут Дан. Просто Дан, отчества у нас не приняты. Предвосхищая ваш вопрос, скажу, что год сейчас 2237-й от рождения Христова.

– Славненько... А я, выходит, беседую сейчас с оживившим меня благодарным потомком?

– Ну, оживлять вас мне, к счастью, не пришлось, – Дан опять заулыбался, – хотя как сказать, это было бы случаем беспрецедентным и мое имя точно вошло бы в историю медицины... Ну, что вы, батенька, заволновались! Не проявляйте излишнего нетерпения, Петр Евгеньевич, все в свое время! Я вот сейчас вас опять усыплю, а как проснетесь – следующую порцию информации обязательно выдам! Приятных снов!

* * *

– Ну, ты даешь, Дан! Прямо добрый доктор Вишневский! Я тебя таким обходительным эскулапом и представить не мог!

– А ты меня, звездный ас, в работе никогда и не видел. Я ж с вами, лбами здоровыми, всю квалификацию скоро утрачу. Только как психологу и удастся попрактиковаться, и то изредка.

– Пращур молодец, хорошо держится. О нем расскажешь?

– Человек как человек, только организм слегка замусоренный. Что для его времени, видимо, было нормой. Если он копия или клон какой, то все очень правдоподобно.

– Тим, а ты-то что поведать можешь? Хватит отмалчиваться! Наука скажет, откуда он взялся?

– Науке это доподлинно неизвестно... Вот то, что Объект таким образом активизировался – а что это его проделки, надеюсь, никто не сомневается, – действительно очень интересно. Но истораживает тоже очень, не скрою. Особенно то, что капсула рядом с нашим скитальцем оказалась не захваченной им, а точной копией тридцать девятой... Эх, если б мы хоть что-то об Объекте знали!

– Вот теперь и начнешь узнавать... Кстати, а почему твои коллеги до сих пор толпой не набежали? Ведь уже сутки прошли! И в новостях молчок, как и не было ничего.

– Это тоже истораживает, но не так сильно. Коллеги мои и Дана прям таки перегрызлись на Земле, стремясь войти в престижный консилиум, прибытие которого перенесено на завтра. А информация о нашей находке впервые за много лет подверглась цензуре.

– Даже так?!

– Да.

* * *

Интересно у них тут все устроено! Станция здоровенная,

человек сто разместиться с комфортом может. Снаружи выглядит как огромное, светло-зеленое осиное гнездо, обернутое тремя более темными колбасками. Внешний вид скорее биологический, чем техногенный. Но она и есть какая-то псевдо-живая. Только вот в чем живая, а в чем нет – пока досконально не разобрался.

На первый взгляд, вроде почти обычно все – с поправкой на эпоху, конечно: коридорчики плавно извивающиеся, каждый своего уникального, но обязательно веселенького цвета; шахта с забавными лохматыми эскалаторами, ворсинки которых и передвигают тебя – непривычно, но вполне комфортно; в самой большой колбаске – причалы с малыми и средними летательными аппаратами, на одном из которых меня сюда и притащили; здоровенная многоуровневая оранжерея с растениями из различных земных поясов (инопланетных не заметил пока). Чистенькое все, аккуратненькое и какое-то неуловимо дружелюбное. Но вот чуть ближе начинаешь со всем местным хозяйством знакомится – сюрпризы возникают буквально на каждом шагу.

Выхожу тут из коридора, косяк неловко задел плечом – а он не заделся. Отодвинулся вежливенько, а потом на место встал. Эскалаторы – те сами знают, куда ехать собрался, туда и везут. Оранжерея – это вообще отдельная тема...

Но самое интересное все же, конечно – некая разумность полиморфного окружения. Вот, например, стол передо мной. На вид – обычный стол, только будто с полом одно це-

лое составляет. Столешница полупрозрачная, толстая ножка – серая. А вот шлепнем по нему ладонью посильнее... Оп, втянул краешек, ладонь пропустил! И опять – как прежде, ровный, гладкий. Похлопать по нему слегка – твердый, чуть прохладный. А если со всей дури залепить? Попробуем... Хоп! Не убрался, а стал вдруг киселем затвердевшим, руку в себя поймав, подержал полсекунды и вниз протолкнул. Ладонь теперь под столешницей. И эдакую терпеливость излучает, зараза...

– Развлекаешься? – в медблок неслышно вошел улыбающийся Дан.

– Нет. Антураж осваиваю.

– Ну и правильно. Осваивай. Вот Лео у нас тоже любитель с антуражем поиграть... Пойдем-ка, Петр, я тебя в твои личные апартаменты отведу, хватит тут прохлаждаться...

– Пойдем.

Вышли из медблока и не торопясь направились в сторону жилых модулей.

– Слушай, Дан, а что ты имел в виду, говоря, что Лео тоже любит с антуражем играть?

– Да он вечно со Станцией развлекается – то шлепнется неожиданно, то в шахту к эскалаторам прыгнет. Не удивляйся – он же пилот. В пилоты только таких вот челленджеров и берут.

– Понятно. Все правильно. В наше время тоже таких в пилоты брали – правда, проявлялась эта лихость по-другому.

– Как?

– Ну, не знаю... например, с моста прыгнуть... или за штурвал пьяным сесть... морду набить кому-нибудь, в конце концов!

– Хм... Трудно понять вас, предков.

– Да уж, такие дикари мы были, такие дикари!

– Ладно, не обижайся. Скажи лучше, как тебе грядущее? Самое главное впечатление – какое оно? В двух словах можешь сформулировать?

– Попробую... Что ж, изволь – легкомысленность и несерьезность на фоне далеко шагнувшей технологии.

– Вот те раз! Интересно! А легкомысленность и несерьезность в чем?

– Ну, как же – на Станции вас всего четверо. На опасный вылет тебя за штурвал посадили. Меня не в карантине держите и без опаски везде пускаете. Сам же говорил – а вдруг я монстр какой? Мои соотечественники не только бы за семью замками такого гостя держали, но и по комиссиям всяким затаскали бы, до умопомрачения! А тут члены консилиума вашего не то что меня на заседания не вызывают, а даже при встрече случайной только здороваются, улыбаются и про здоровье спрашивают... И вообще – стены у вас как в детском саду!

– В смысле?

– В смысле – цветов легкомысленных. В мое время завхоза за такую раскраску враз бы уволили, потому как серьез-

ному научному объекту не пристало иметь вид учреждения детского или развлекательного!

– А, понятно. Ну, времена меняются... Но насчет несерьезности – это ты зря. Я, чтоб ты знал, по резерву-один пилотом числюсь.

– По резерву-один – это как?

– Вторая специальность в порядке замещения. Тим – пилот по резерву-два, Лео – медик по резерву-один. Четверо всего потому, что желающих на Базу и вообще в космос сейчас – днем с огнем... А насчет тебя – просто вежливость и уважение к личности нельзя смешивать с защитой от опасности.

– То-есть? Поясните пожалуйста!

– М-м-м... – как это ты говоришь? – изволь! Во-первых, наши с тобой комбинезоны не только одежда, но и многослойная защита от всяких вредных проявлений окружающей среды – радиационных, химических, биологических... Так что ни мы тебе, ни ты нам в этом смысле не опасны. Во-вторых, если ты захочешь вцепиться мне в горло или начнешь отращивать щупальца – Станция тебя вмиг изолирует. В-третьих – и ты, и мы под постоянным контролем: отслеживается все, начиная с моторики и метаболизма и заканчивая эмоциями – только мысли читать, увы, пока не научились. Консилиуму этой информации более чем достаточно, зачем же тебя лишний раз тревожить? Кем бы ты не оказался по... гм... скажем так – происхождению... первично то,

что ты прежде всего человек, уникальная личность и важная составная часть человечества. А к любому человеку нужно относиться с должным уважением. Сам же желая общаться с ними ты не изъяслял.

– Интересная у вас философия! Очень уж гуманистическая... Прямо идиллия! Правильно ли я понимаю, что развилась она в результате тех катаклизмов и эпидемий, о которых я успел прочитать?

– Правильно. На лету ловишь!

– Спасибо. Но позволь усомниться, что за каких-то двести лет человеческая психология так сильно изменилась. Вы и к преступникам с таким же пиететом относитесь? Или скажешь, у вас и преступности нет?

– Почему же, есть. И преступники, и вырожденцы всякие. И проблем социальных хватает. Только ценность человека как личности и члена общества выросла. Как и ценность хорошо структурированного государства. У вас это империями называлось... Что ты так удивляешься? Ценность эта и раньше росла, только медленно. Разве одинаковой была цена человеческой жизни в твою эпоху и в раннем Средневековье? То-то... Ничего, разберешься, привыкнешь... Ну, вот и пришли. Прошу!

Все никак не могу научиться спокойно воспринимать здешний простор. Отвели мне модуль размером с футбольное поле – и такой же пустой, по местному обычаю. Кое-ка-

кая мебель по стеночкам ютится, а в середине хоть и впрямь мяч гоняй.

– Годится?

– Спасибо, нормально. Только вот понять не могу, почему у вас каюты такие огромные и пустые? Хоть и немного народу на Станции, но все равно нерационально. И неудобно как-то смотрится...

– Почему неудобно? Со свободным местом у нас действительно проблем нет, избыток. Да и пространство Станции модулируется любым образом, при острой необходимости потесниться можно. А уют – он же, в первую очередь, подразумевает чувство защищенности, так ведь? Чем больше открытого пространства – тем безопаснее себя чувствуешь.

– Разве?

– А как иначе?! Ну, проходи, обустраивайся, а я пошел.

Задумавшись над последними словами Дана, даже попрощаться не успел, а он просто тихо вышел. Н-да... Похоже, я упустил нечто важное, читая файлы по истории. Чего же такого человечеству натерпеться пришлось, что теперь людям уютно на стадионах?

* * *

– Привет, Тим! Здравствуй, Петр! – Дан вошел в лабораторию, держа в руках прозрачную, мягкую колбаску с каким-то соком и периодически отхлебывая из нее. – Забыв

о сне и пище, загадки Объекта грызете?

– Зато ты у нас, рыжий, о хлебе насущном не забываешь никогда, – машинально ответил Тим, выразительно посмотрел на колбаску и вернул взгляд на извивающийся в воздухе над лабораторным столом трехмерный график. – Не удивлюсь, если и ночью спишь в обнимку с копченым окороком.

– Хм, это мысль! Уж коли нет у нас тут возможности прижаться ночью к теплему женскому бедру...

– Ф-фу, коллега! Фу три раза! Какие скабрёзности вы говорите, даже гостя не стесняясь!

Дан довольно осклабился и издал утробный смешок. Потом внимательно пригляделся к графику.

– А что у вас тут корчится?

– Это у тебя медицинская терминология такая?

Дан расхохотался столь жизнерадостно, что Петр невольно улыбнулся.

– Сдаюсь – уел, уел! Будем считать, один-один! Ладно, признавайтесь – нашли что-нибудь интересное или нет?

Тим наконец оторвался от графика и потянулся, сцепив руки на затылке.

– Ты знаешь, кажется, действительно что-то вытанцовываться начинает. Вот здесь, – Тим ткнул пальцем в продолжавший шевелиться график, – мы попробовали сделать довольно простую вещь – наложить все записанные нами флуктуации Объекта на всплески аномальных явлений в районе, откуда к нам Петр и прибыл, используя логарифмический

масштаб по оси времени, и вот то, что лежит на поверхности...

– Постой, каких-таких аномальных явлений?! В Солнечной происходит что-то аномальное?

– Сейчас нет, а вот в XX – XXI веках происходило, и как раз в этом месте, – Тим заговорил подчеркнуто академическим тоном. – И там, куда Петра готовили – на Марсе. Две трети автоматических зондов, запущенных к нему с Земли, не достигли цели. У одних случились крайне маловероятные поломки, другие вообще потерялись... На начальных этапах освоения планеты тоже всякие ненормальные аварии происходили. Вразумительного объяснения так и не нашли. Не знал?

– А, так ты об этом... обижаешь... И что, обнаружилась взаимосвязь?

– Похоже, да. Оказывается, применив чуть иной временной масштаб, можно увидеть явную корреляцию между поведением нашего Объекта и происшествиями на Земле и в окрестностях Марса. Иными словами, если представить, что двести-триста лет назад время текло чуть быстрее, то все почти точно совпадает – современные флуктуации Объекта за последние тридцать лет и старинные события в Солнечной. Не густо, но уже что-то... Спасибо, Петр, что ты к нам явился! Кабы не ты... – Тим аккуратно похлопал Петра по плечу.

– Благодарствуйте, тронут. Весьма. Прочувствовал, по-

верь, аж до печенок.

– До печенок – это как? – заинтересовался Дан.

– Успокойся, это не по твоей части – так в мое время говорили. В смысле – до глубины души.

– А-а, ясно. Жаль. Слушай, а нас ты во всем понимаешь? – Дан присел на кресло рядом с Тимом.

– Трудно сказать. С одной стороны, смотрю и поражаюсь каждый раз – ерничаете и подкалываете друг друга, в точности как мои современники и, если эдакий неуловимый акцент в вашем русском не учитывать – прямо как в родном Звездном Городке себя ощущаю. А с другой... Вы совсем другие, прошу прощения за тавтологию. Где-то там, в глубине. Другая мораль, привычка к безопасности окружения... Вот насчет чувства юта меня Дан вчера огорошил...

– Ну, чему удивляться, – столько лет прошло. – Дан положил опустевшую колбаску на угол стола. – Не тушуйся, прашур славный, мы на твоём примере росли и воспитывались!

– Да ну?

– Ну, не совсем росли, но воспитывались – точно! Историю космонавтики целый месяц изучали на курсах!

– На каких курсах?

– А как бы мы сюда попали без специальных курсов? Аж полгода учились на волков космических!

– Постой-постой! Полгода – и все?

– Да. Ах ты, елки-палки, опять проблема кросскультурная... Видишь ли, Петр, нас отбирали, и отбирали не ме-

нее тщательно, чем в ваше время в отряд космонавтов – но по другим параметрам. На первом месте при отборе было не здоровье – с этим у нас трудностей почти нет, не интеллект и образование – порядка половины населения как минимум не глупо и имеет образование – аналог вашего высшего...

– Ничего себе! В мое время был всего два процента!

– Несчастные предки... Так вот, основным при отборе был показатель, который можно трактовать как особое свойство личности, характеризующееся редко встречающимся сочетанием не самого низкого интеллекта и способности к безвредному для сознания переживанию чувства опасности. Доступно сформулировал?

– Вполне. Это свойство, случаем, не авантюризмом называется? Или, скажем помягче – склонностью к риску?

– Близко, но не совсем. Рисковать можно со всей дури, не задумываясь о последствиях. А если уметь задумываться о реальной опасности, но сознательно идти ей навстречу, то недолго и умом повредиться, что с подавляющим большинством неглупых людей и может произойти.

– То-есть, вы эдакие избранные?

– В определенном смысле – да. Но общество нас воспринимает скорее как ненормальных.

– Ничего себе! Тогда такой прагматичный вопрос – что вы получаете взамен от общества, считающего вас ненормальными и посылающего сознательно рисковать жизнью неиз-

вестно куда? Признание, славу, деньги?

– Ну, в глазах общества наша слава весьма сомнительна, а денег сейчас просто нет. Взамен них есть статус защищенности, его и получаем.

– А что это?

– Статус, согласно которому можно получить определенный уровень защищенности в жизни. В жилой среде, передвижении... Например здесь, на Станции, он довольно высокий. Сам небось заметил, что жилая среда здесь очень безопасная.

– Да уж, захочешь – не повредишься... А в чем он измеряется, этот статус?

– Это сложнее. Можно сказать, ни в чем. Просто статус. Уровней очень много и их количество не постоянно, виды и способы защиты совершенствуются – наука и техника тоже не стоят на месте.

– ??!

– Ничего, и в этом разберешься со временем. Кстати, у тебя тоже весьма высокий статус. По совокупности заслуг перед человечеством.

– Хм, спасибо... Разберусь, конечно, куда денусь... Но давай все же вернемся к вашему космическому образованию. За полгода вас смогли подготовить сразу по нескольким специальностям?

– Ну, педагогика тоже два века на месте не стояла... Правда, основные специальности у нас уже были. Один Лео

исключение – он историк. Но по своим личностным качествам – отличный пилот, каких мало. Только не очень опытный еще.

– А сколько ему лет? И вам, кстати?

Дан и Тим едва заметно смутились.

– Мне сорок, Тиму тридцать три. Про Лео не скажу, потому что его здесь сейчас нет. Хотя по состоянию организмов наш возраст не больно-то коррелирует с привычными тебе показателями. Но знай на будущее – это крайне нескромный вопрос. И я знаю ответ, только потому что врач. А выдал тебе возраст Тима и свой, так как не ответить не мог. Это было бы еще более невежливо.

– Ох, прошу прощения! И спасибо за науку... В мое время было нескромно только женщин о возрасте спрашивать... А какая же средняя продолжительность жизни сейчас?

– Не знаю, это тоже зависит от статуса. А показывать свой статус неприлично, и поэтому невежливо спрашивать о возрасте. Ты, главное, сейчас в краску не впадай и не тушуйся в будущем – я же все время говорю, разберешься еще во всем, успеешь. А нас спрашивать о чем угодно можешь, без опасений.

– Хорошо, спасибо еще раз.

– Да не за что, прашур, не за что! – Дан откинулся в кресле и хитро сверкнул глазами. – Я, собственно, вот с чем к вам шел – Петра приглашают на Землю, влиться в благодарное человечество. Меня, Тима и Лео тоже, в качестве бес-

сменных сопровождающих. На период адаптации, так сказать. Петр, не возражаешь?

– Конечно нет! А почему вас? Хотя понятно... Но – без Семеныча... Да, кстати, почему я с ним, как с начальником Станции, до сих пор знаком только заочно? Как и с членами консилиума – потому что первым желание встретиться не изъявил?

Дан и Тим снова смутились, но опять постарались не показать вида.

– Вообще-то, нашего шефа зовут Се. Это Лео его Семенычем обозвал, на старинный манер, а тот не возражал. Может, раньше и впрямь Семенычем звали бы – наши имена просто сокращенные от принятых раньше. Я, наверное, Даниилом был бы, Тим – Тимофеем, а Лео – Леонидом... Или Леопольдом каким...

– Хм, с вами у меня на каждом шагу – открытия сегодня, большие и маленькие... Но на мой вопрос ты так и не ответил. Или опять что-то не то спросил?

– Ничего, нормально... Видишь ли, наш Се – или Семеныч, если тебе так привычней, – имеет один из самых высоких статусов, и лично с ним пообщаться практически невозможно.

– Не хочет ни с кем встречаться?

– Нет, просто это нельзя осуществить.

– Почему?

– Почему? Просто он... Как бы тебе объяснить попроще,

понагляднее... – Дан пошевелил в воздухе пальцами. – Ты когда-нибудь пробовал увидеть рыбку в большом аквариуме, заполненным чернилами?

* * *

Шлюз на взлетной палубе засветился синим кольцом. Означавшим, что пристыкованный к нему снаружи корабль уже запустил двигатели и экипаж начал проводить последнюю предстартовую подготовку.

Пройдя в шлюз последним, Лео напоследок погладил матовую поверхность стены.

– До свидания, Станция! Вряд ли скоро увидимся!

– На сентиментальность потянуло, пилот? – Дан не мог упустить случая поддеть.

– Молчи уж, эскулап бессердечный!

Перейдя в сияющий белизной тамбур корабля, все четверо невольно оглянулись на пленку поля за разворачивающимися из рулончиков створками люка. Лепестки створок, чуть помедлив, наползли краями друг на друга и заростили швы, после чего в центре замигал красный огонек.

– Ну, вот и все! Прощай, Станция – принимай сыновей, Земля! – патетически произнес Дан и первым шагнул в открывшийся проход. Петр двинулся следом, с любопытством рассматривая стены, по которым бежали крупные красные цифры, отсчитывающие время до старта, и симпатичную зе-

леную стрелочку, суетящуюся у ног.

Войдя в небольшой пассажирский салон, уселись в кресла, расположенные вокруг небольшого, овального стола. Оказавшиеся и здесь, цифры на стене отсчитывали последние секунды. Мигнули два ноля, раздался нарастающий свист двигателей, и по салону прошла легкая вибрация, которую не смог поглотить корпус. Потом легкий толчок отрыва – и корабль, плавно отойдя от причального шлюза, начал ускоряться, двигаясь параллельно плоскости эклиптики.

Петр заинтересованно смотрел на большой стереоэкран, занимавший противоположную стену и часть потолка – Станция быстро уменьшалась, превращаясь в неяркое пятнышко, а из верхнего угла постепенно выползала планета, на которую отбрасывал тень один из спутников.

– Любуешься? – Лео вопросительно глянул на Петра. – Я вот тоже, сколько летаю, а привыкнуть не могу – завораживает!

– Да, очень красиво! А уж если учесть, что я вообще в первый раз такое вижу...

Двигатели засвистели громче и экран померк.

– Ну вот и все, вышли в гиперпространство. Через семь часов будем в Солнечной. Предлагаю пока новости посмотреть, а там и вздремнуть можно будет, – Лео откинулся на спинку и прикрыл глаза.

– Лео, а пройти по кораблю можно?

– Можно, но тут ничего интересного – рубка, грузовой от-

сек, и все. Ребятам в рубке лучше не мешать, трюм пуст, а капитан к нам сам обязательно зайдет после того, как выйдем на крейсерский режим.

– А какие тут двигатели?

– Это ты лучше к Тиму обратись – я только в общих чертах знаю. Тим?

Тим отвлекся от расслабленного созерцания чего-то на стене за спиной Петра и обхватил руками колено.

– Двигатели Хайма. Ничего сверхъестественного. Вращающееся кольцо в мощном электромагнитном поле особой конфигурации – вот и весь двигатель. Теория еще в двадцатом веке появилась, а в наше время только воплотили идеи Хайма и Теслы. И вообще, к сожалению, фундаментальных открытий за последнее время в физике не было – все что ты видишь вокруг себя, зародилось двести-триста лет назад, увы!

– Правда? Ну, двигатели – ладно... А умное окружение и общение с ним на уровне эмоций? А управление гравитацией – я ускорений не почувствовал при старте, да и Станция вроде не вращается? Неужели это тоже в мое время появилось?

– Нанотехнологии уже в двадцать первом веке бурно развивались, эмоции считывать тогда же учились. А управление гравитацией – тот же принцип Хайма-Дрёшера, только характеристики полей чуть иные. Говорю же – увы! Вот, может, Объект нам какие новые тайны мироздания открыть позво-

лит. Я вот тут подумал – если согласно многофакторному анализу...

– Э нет, брат Тим, подожди пожалуйста! – встрепнулся Дан. – Может, ты в следующий раз Петра в свои околонуучные домыслы посвятишь? Давайте лучше поедим сейчас, а?

* * *

Полет прошел незаметно, и когда на вновь включившемся экране появилось маленькое родное Солнце, освещавшее синюю громадину Нептуна, Петр облегченно вздохнул. Внимательно посмотрев на экран и увидев полупрозрачный значок запроса вместе с вопросительной эмоцией, шевелением губ попросил показать искусственные объекты в Солнечной – давать эмоциональные команды пока не очень получалось.

На экране появилось множество разноцветных точек, пунктиров и схематичных сфер. Ловя остановившийся на чем-нибудь взгляд, экран услужливо увеличивал изображение, показывая летящие корабли, громадные и не очень космические станции разнообразных форм и совершенно непонятные ажурные кольца диаметром в тысячи километров, свободно парящие на высокой орбите возле Плутона.

Большинство крупных спутников Юпитера и Сатурна казались плотно заселенными, а Луна так просто пестрела пятнами искусственных сооружений. Но вблизи Земли пространство было на удивление чистым, только густой пучок

пунктиров – трасс небольших корабликов, – соединял ее с Луной.

Переведя дух, Петр попросил показать Марс. Когда изображение приблизилось, сердце невольно заколотилось. Планета выглядела практически не изменившейся, если не считать многочисленных куполов человеческих поселений и двух огромных станций на орбите, напоминающих спелые груши с длинными черенками и по размеру едва уступающих Деймосу. Приблизив один из куполов на поверхности, за легкой дымкой удалось разглядеть широкие, прямые улицы, разбегающиеся от центральной площади и более узкие кольцевые, множество одинаковых желтых крыш и несколько точек летящих над ними машин.

Решив, что для первого раза достаточно впечатлений, Петр вернул на экран изображение Нептуна и расслабился.

– Интересно? – прервал воцарившееся деликатное молчание Дан.

– Еще бы! Теперь вижу, что не зря пропадал! Молодцы потомки, не подвели! А о строительстве настоящей Сферы Дайсона еще не задумывались?

– Пока нет, – с легким разочарованием ответил Тим.

– Жалко. Я бы с удовольствием поучаствовал!

– Ничего, у нас на твой век и других интересных занятий хватит, не сомневайся! – довольно осклабился Дан. – Хоть в астронавты иди, хоть в эксперты по истории...

– Ну спасибо, удружил! В эксперты по истории я, может,

ближе к пенсии и подамся, а пока что-нибудь поинтереснее найду.

– Вот и правильно. А мы тебе посодействуем.

* * *

Как же города у них на наши непохожи! Разве что специальный квартал отдыха в стиле ретро на окраине моей, как бы это сказать... нынешней среды обитания... хоть как-то напоминает то, что привычно городом называть. Ведь город – это что? Прежде всего – дома и улицы. А уж только потом начинаются всякие нюансы. Скажем, дома могут быть высокие или низкие, однотипные или разномастные, стоящие поодиночке или лепящиеся друг к другу. И так далее. А улицы, соответственно, тоже бывают как широкими, так и узкими, прямыми и кривыми, сужающимися наконец... А тут? Вот как-то не поворачивается язык назвать улицей просторную ложбину между двумя здоровенными и полыми волнами, сходящимися где-то у горизонта. Выходишь на такой, с позволения сказать, проспект – и чувствуешь себя не горожанином или, на худой конец, гостем столицы, а каким-то моряком, вылетевшим за борт аккуратно меж двух цунами. Или вообще заплутавшей креветкой, застигнутой штормом.

Город же в целом – вообще нечто, при взгляде сверху больше всего напоминающее тележное колесо без ступицы,

упавшее посреди луга. И не простое колесо, а от телеги с ярмарки, потому как с разноцветными двойными спицами. А еще это очень похоже на паука, с размаху влипшего в жидкий мармелад. Ножки которого – эти самые прямые, как стрела, пологие волны, попарно расходящиеся эдакими лучами от круглой центральной площади. Невероятно, захватывающе огромной! Километра два в диаметре, не меньше. И пустой – ни тебе флагштока, ни кустика, ни даже скамеечки какой. Просто ровный, белый, матово-блестящий блин. Правда, скамеечку-то здесь в любом месте вырастить можно. Хоть скамеечку, хоть трон с балдахином, только скомандуй...

И еще – почему-то особенно неуютно себя чувствуешь из-за того, что площадь эта центральная вместе с разбегающимися от нее волнами-домами монолитна, как из стекла растекшегося сделана – все гладкое, ровное и ни единого шва. Плоское небо с облачками над головой, молочно-белое покрытие под ногами блестит стерильно, и только пастельных цветов холмы парочками стоят по краям – так эти дома с торца выглядят, если с центра площади посмотреть. Брр-р-р...

Даже людей на этом ристалище практически нет – так, пара фигурок размером с точку маячит где-нибудь вдали. И лишь легкий ветерок по просторам гуляет. В общем, наглядное подтверждение тому, что еще на Станции подметил – понятие уюта у меня, у пращура, сильно устарело.

Кстати, дома эти попарно, эдакими двойными лучами,

от центра города расходятся не просто так, Дан объяснил – кому-то удобнее, чтобы за окнами улица была видна, а кому-то интереснее жить чтобы, значит, немерянный простор был перед глазами, и ничто его не застилало. То-есть чем дальше от центра живешь, тем больше эти проспекты расходятся, а на окраинах вообще друг от друга за горизонтом прячутся – одни луга с кустами да мелкими перелесками и открываются взору.

Проспекты эти тут Линиями называют, прямо как в Питере на Васильевском. Только не нумеруют, а прямо по цветам и зовут, правда с легкой вычурностью – Лазурная Линия, Васильковская, Карминная... И цвета эти чем дальше от центра, тем темнее, насыщеннее – видимо, чтобы не заблудиться. Хотя как тут заблудиться можно – не представляю.

Про старые города спрашивал – не знает никто. Ни мест, ни названий. Во всяких информационных источниках тоже все смутно как-то. А может, я просто правильно запросить не смог. Так что в любом случае, хочешь – не хочешь, а привыкать к местной архитектуре все равно придется.

Жить меня в середине Янтарной Линии определили. Точнее сказать вряд ли получится – обозначений никаких нет, труб, выступов и прочих подобных примет не имеется, окон, дверей тоже. Когда к секции своей приближаешься, она эдакой ласково-уютно-теплой эмоцией себя обозначает, чем ближе, тем сильнее – не ошибешься. А внутрь тут заходят и на всяких аппаратах залетают прямо в стену, которая в сто-

роны раздается. Иногда, кстати, раздается весьма причудливым образом – прикидываясь то разбитым зеркалом со звонко разлетающимися снежинками, то облаком или куском ваты, а то и пряником каким-то непонятным. Давеча некий агрегат летучий так прямо с натуральными водяными брызгами в здание влетел, а девушка одна вообще в распутившийся цветок вошла. В общем, максимум возможностей для самовыражения уже с порога.

Правда, от хозяев или же от гостей манера открывания дверей зависит – пока не разобрался, сам как через кисель к себе вхожу. В ангар свой. Иначе трудно назвать ту секцию, которую мне любезно предоставили – метров пятьсот в длину, почти столько же в ширину и до конька метров двести с гаком. Я, конечно, сразу по поселении владения свои обошел – вдоль, поперек и по периметру, – попробовал всякие диванчики моделировать... Но потом плюнул на это дело и дал задание компу сделать мне привычную квартиру. Поиграл с планировкой, мебелью обставил – да и поместил ее на уровне этажа второго-третьего. Как гнездо какое у стены повесил. А остальное пространство до поры до времени заброшенным оставил. Только стены в бежевый цвет покрасил, чтоб совсем уж жутким ангаром каким-то заброшенным не выглядело.

Вот так и живу теперь.

Собравшись прогуляться и выйдя из своего нового жилья, по старинке спустился пешком по широкой лестнице, которую специально каждый раз выстраивал лохматый эскалатор, вышел на улицу, прищурился и неторопливо огляделся. Взору открылась полоса шириной в километр между двумя вытянутыми вдаль янтарными холмами, словно дно исполинского оврага с пологими стенками, пересеченная ярко-желтыми пешеходными дорожками, усаженная газонной травкой, тут и там разбросанными кучами кустарников, а кое-где и живописными рощицами. По краям Линии – там, где еле заметно начинали вздыматься стены, – шли белые, неглубокие желоба движущихся дорог. В воздухе порхали бабочки, чуть выше – какие-то, по виду тропические, птицы. А еще выше с легким свистом проявлялись и исчезали, стремительно останавливаясь или срываясь с места, кричащих цветов летающие машины. По дорожкам беззаботно носились дети, а на простой и по виду деревянной скамеечке мирно сидела и щурилась на солнце пожилая дама в белом полотняном пончо. День выдался солнечный, и на фоне ярко-голубого неба янтарные здания и сочная зелень смотрелись, как картинка из сказки.

Привыкнуть к новой, подаренной судьбой жизни Петру пока было трудно. Все ощущалось как в ярком сне, который вот-вот закончится. И тем более окончательно поверить в реальность этого – когда еще три недели назад реально-

стью были лишь надоевшая пещера, камни и провонявший скафандр. Верить, что будущее именно так выглядит – да, но поверить – пока нет... Оставалось просто жить, надеясь, что свербящий червячок в душе со временем исчезнет...

Полюбовавшись на пока еще чуждую идиллию, Петр улыбнулся, глубоко вдохнул и направился к лохматой дороге, ведущей в сторону окраины города. Встав на нее и задав скорость, позволил волоскам неторопливо перемещать себя, а затем продолжил рассматривать окрестности и изредка попадавшихся людей – одетых в свободные, яркие, порой излишне пестрые облачения. Несуетливых и спокойно-уверенных. Лица всех встречных были расслабленно-умиротворенными – в отличие от вечно озабоченных физиономий оставшихся в прошлом современников-пешеходов.

Чуть впереди на дорожку ступила пара в одинаковых розово-красных, похожих на клоунские, балахонах и высоких сандалиях на греческий манер – белобрысый, курносый юноша с кудрями до плеч и миниатюрная девушка азиатской внешности. Усевшись на ворсинки, они обнялись и, задав скорость раза в два быстрее, стали постепенно удаляться вперед. Юноша прильнул к уху девушки и принялся что-то шептать. До Петра донесся ее смех.

Ближе к ретро-кварталу дорога чуть свернула вправо и незаметно втянулась в обычную улицу. Улица постепенно сужалась, отдельные дома с привычно вертикальными стенами все теснее жались друг к другу. Людей становилось все

больше, начали попадаться животные – собаки, кошки и почему-то жизнерадостные, пятнистые свинки.

Прямо перед носом Петра в воздухе проявилось изображение листа салата, на котором лежали крупные креветки в светлом соусе. Запахло пряными приправами и чесноком, над блюдом замигала стрелка, указывающая на близлежащий ресторанчик.

– Сгинь! – тихо рявкнул Петр на рекламу, и она моментально исчезла вместе с запахом. Шедшая навстречу коротко стриженная, высокая девушка, вместо нормальной одежды эротично завернутая в оранжевые и красные ленты, удивленно повернула голову в его сторону. Смутившись, Петр поспешно шагнул с движущихся ворсинок на желтый тротуар и завернул в первый же попавшийся переулок. Людей здесь было поменьше, и они четко делились на две категории – с любопытством и блеском в глазах заходящих в двери множества непонятных заведений, возле которых висели в воздухе гирлянды радужных шаров, напоминающих большие мыльные пузыри – и довольных и умиротворенных, выходящих из этих дверей. Заинтересовавшись, Петр шагнул в ближайшую дверь вслед за немолодой, судя по всему, семейной парой – и оказался в просторном, ярко освещенном холле с очень высоким потолком, похожем на ледяной грот. Зашевелившийся пол отделил его от супружеской четы и увлек ко входу в светлую нишу, тоже обрамленную шарами. Затащив на середину ниши, успокоился и замер. Чуть потемнело,

от стен прошла волна радости и соучастия, потом зазвучал приятный женский голос:

– Здравствуйте, очень Петр! Что привело вас к нам?

– Хм... а почему очень?

– Ваш статус позволяет мне обращаться к вам именно так.

Позвольте все же уточнить цель вашего визита?

– А куда я попал? И что вы можете мне предложить?

– В студию модулирования. К моему величайшему сожалению, человеку с вашим статусом мы не можем предложить ничего достойного, так как начинаем с зета и колосс. Не сомневаюсь, что вы зашли к нам случайно, будучи погруженным в глубокие раздумья и ошибившись дверью. Вас проводить?

Стены испустили еще одну волну соучастия.

После столь вежливой и витиеватой отповеди Петр не нашелся что сказать и просто кивнул. Пол увлек его вглубь ниши и через открывшийся проход плавно вынес обратно в холл. Тот же голос еле слышно произнес:» – Всего вам доброго, очень Петр!».

Петр еще раз кивнул и растерянно вышел на улицу, так и не поняв – слишком низкий или чрезмерно высокий статус не позволил ему воспользоваться услугами этого заведения. Снедаемый любопытством и решив немедленно все разузнать – у Дана или просто вызвав информаторий, – согнул руку в локте и замер на секунду, пока не проявились на рукаве рубашки контуры кнопок блока связи – пока так

было привычнее.

Но не успел. Земля под ногами чуть дрогнула, раздался тихий, басовитый гул – и сразу тротуар вокруг Петра вздыбился кольцом и резко поднялся стеной, моментально запечатав его в яйцевидный кокон.

По внутренним стенкам кокона побежало плоское изображение призывно изгибающихся индийских танцовщиц в прозрачных одеждах. Потом картинка стала объемной, и Петр ощутил себя стоящим посреди огромной залы во дворце какого-то магараджи.

Повеяло спокойствием и негой, подувший легкий ветерок донес запах магнолии и пьянящий аромат разгоряченных женских тел. Зазвучала тихая музыка, стали слышны даже плавные шажки танцующих девушек, недвусмысленно манящих к себе жестами и кокетливыми взглядами. Одна из них вдруг остановилась, подошла к Петру вплотную и, обдав его волной благовоний, произнесла тихим и многообещающим голосом:» – Ты уже пережил, легко и достойно, и я приглашаю тебя!».

Но тут изображение вновь стало плоским и спустя мгновение исчезло совсем. Через появившуюся где-то над головой дыру засверкало солнце, затем стенки кокона быстро потекли, будто оплавилась, и вновь слились с желтым тротуаром.

Петр застыл в недоумении и уже начал злиться на непонятную и навязчивую рекламу. Но, оглядевшись по сторонам, перестал закипать и озадачился – несколько чело-

век стояли как статуи с застывшим взглядом, в двух шагах от него слегка взволнованный юноша вылезал из расколотого прозрачного шара, а двое других парней поднимались с земли, стряхивая с рукавов быстро тающую пену.

Где-то вдалеке завизжала и тут же умолкла женщина. Как ни в чем не бывало, у ног поднявшегося на ноги парня пробежала шустрая свинка.

Будто очнувшись от наваждения, все задвигались быстрее, замершие люди зашевелились, стали раздаваться негромкие реплики.

– Второй раз за последнее время...

– Да уж! Может, статус повысят – уже трижды переживал. Как думаешь?

– Вырожденцы – они и есть вырожденцы...

Пролетело несколько секунд – и люди устремились дальше, каждый в свою сторону. Только чуть стесняясь и отводя глаза друг от друга. Но и это вскоре прошло – плечи расправились, походки приобрели привычную уверенность.

Догадавшись, что стал невольным свидетелем какого-то местного аналога общественных беспорядков, Петр опять согнул руку, чтобы вызвать Дана, но тот сам проявился в воздухе своей неунывающей физиономией и жизнерадостно проорал:

– Пережил?

– Да, только не понял – что. Мне какой-то дворец разврата продемонстрировали, а одна из девиц даже в гости позвала.

Только куда – сказать не успела. Я поначалу все за дурацкую рекламу принял.

– Запомни – реклама сама не появляется. От тебя просто любопытством за километр веет, вот подсказки и выскакивают... Так девицы, говоришь? – Дан хитро посмотрел на Петра. – Ну, это как раз неудивительно – по статусу и защите... А куда позвали – выяснить просто. Кстати, приглашают не часто. Пойдешь?

– А кто хоть это был-то?! И вообще, что произошло?

– Не волнуйся. Вырожденцы – они и есть вырожденцы...

– Я эту фразу уже второй раз за сегодня слышу!

– Вот и славно. Ничего, я тебе потом все подробно объясню.

– Почему потом? Опять что-то неприличное спросил?

– Неприличней почти не бывает. – произнес Дан и хмыкнул, отведя глаза. – Ничего, нормально... – и вновь повеселел. – А девушки эти, что тебя пригласили – настоящие, не виртуальные. Из учреждения, которое на понятном тебе языке можно назвать... ну, например, «Служба психологической поддержки с целью отвлечения внимания от... от... неприятностей». Согласно статусу, тебя не только защитили, но и сберегли нервную систему от возможного стресса наиболее эффективным для твоей личности способом... Ну не красней, не красней – я тебе даже завидую. Так что на твоём месте про приглашение не забыл бы! С такой девушкой познакомиться – просто подарок судьбы!

– А они что?.. Ну, в смысле... легкости поведения?

– Ну, ты даешь, космонавт ископаемый! Забудь про свою древнюю мораль – у нас все совсем по-другому. Но – Дан поднял вверх указующий перст, – совершенно не в смысле разврата. И девушки, уж поверь, очень высоконравственные, даже в твоём понимании! В этом-то и изюминка вся... Ну ладно, я через минуту подлечу – жди.

Ровно через минуту над головой бесшумно повисла фиолетовая машина, отдаленно напоминающая сдвоенную стрекозу без крыльев. Выступ на ее брюхе потянулся вниз ртутной каплей на тонкой нити, опустился к земле, раскрылся и мягко выгрузил уютно сидевшего там Дана. Встав на ноги и осмотревшись по сторонам, он взял Петра под локоть и быстро увлек его в сторону главной улицы, небрежным взмахом руки отослав куда-то мгновенно упорхнувшую машину.

– Пойдем-пойдем! Сейчас быстренько перекусим, а потом в столицу полетим – с твоим будущим потихоньку определяться начнем.

Свернув в тот самый ресторанчик, рекламу которого спугнул Петр, сели за столик у красной стены, украшенной золотистыми и слегка дрожащими иероглифами. Подошел официант, поклонился и церемонно вручил папки с меню, напечатанном на чем-то, очень напоминающем рисовую бумагу.

– Дан, а бумага настоящая?

– Нет конечно! Хотя похожа, правда? А настоящую делать

очень уж трудоемко, если придерживаться старинных технологий. Но для всяких чудаков еще делают. Даже книги выпускают типографским способом.

– А почему ты меня привел именно сюда? Чтоб поприличней себя чувствовал и не растерялся ненароком?

Дан немного смутился.

– Откровенно говоря – да. Еще и событие это – вот я и подумал, что тебе может быть спокойнее в обстановке, привычной по прошлому отрезку жизни.

– Эк ты витиевато ответил-то... Да ладно, не маши руками! Это я так, не в обиду... А вообще – я нервных клеток не потратил, ровным счетом никаких. Просто не понял, что это было и чего пугаться. Уж не говоря о том, что мне что-то новое увидеть и попробовать гораздо интереснее, чем в прошлое погружаться. А с тобой тем более – а то по незнанию в заведение какое-то сунулся, а меня из него тут же вежливо выперли.

– Какое заведение?! – Дан слегка нахмурился. – Поймай-поймай, это на той улице, где я тебя подобрал? С радужными шарами у входа?

– Да.

– А какие были шары?

– В смысле?

– Ну сколько их было, какого размера и цвета?

– Сколько не считал, цвета радужного, как мыльные пузыри, а размера вот такого. – Петр показал растопыренными

пальцами окружность с волейбольный мяч.

– Хм... – Дан на секунду задумался. – А как выперли?

– Нечто выперло. Сказало что-то вежливое типа «вы ошиблись дверью» и просто полом вывезло наружу.

– Ну ты, брат, даешь! – Дан расхохотался. – Ну надо же так!

– Да что надо же?! – чуть раздраженно спросил Петр. – Что не так?

– Да все так, все так! – продолжая улыбаться, ответил Дан. – И не волнуйся, у тебя статус слишком высокий оказался, а настроение не очень, вот они и не смогли... А вообще анекдот конечно, кому рассказать... Ой, только не спрашивай сейчас – не то, чтобы неприличная, но достаточно деликатная тема, потом обязательно расскажу. Да обязательно, обязательно, не хмурься! Все-все расскажу, что сейчас откладываю! Так куда ты хотел бы зайти поесть?

– Ловко ты тему перевел. – Усмехнулся, уже успокаиваясь, Петр. – Ну, куда-нибудь еще. Посовременнее, пусть и необычнее. Главное, чтоб не покалечили и сытым уйти.

– Про покалечили – это ты так пошутил, да? А-а, я читал про салуны со спиртным и разными наркотиками, где дрались и стреляли друг в друга. В твоём мире, у вас это было, ты туда тоже ходил?

– Было. Не так чтобы много, порой поискать такое надо было, но имелось. И да, бывал.

Дан посмотрел на Петра со смесью беспримерного уваже-

ния и вопроса в глазах.

– Слушай, мне вот абсолютно непонятно... И как классно, что могу спросить у настоящего, живого человека, ходившего туда!.. Вот скажи мне, пожалуйста, я совершенно не понимаю – как можно совмещать еду и опасность для жизни? Да еще участвовать в создании этой опасности? Наркотики и еду – это я еще как-то, с трудом, но могу понять, а вот как совмещать пищу с опасностью, да еще самим собою и создаваемой?

Петр, в свою очередь, тоже слегка удивился и задумался.

– Знаешь, ну это, наверное, сродни поеданию ухи у костра ночью, когда в окрестностях бродят волки или медведи. Только в роли волков и медведей люди, в легком подпитии и слегка обозленные на жизнь. Или жаждущие самоутверждения.

– М-м, вот оно как.... Ничего себе.... Да-а-а... Это надо хорошенько обдумать... Ну просто очень хорошенько... Не поверишь – ты мне сейчас тему подкинул и материала дал на работу, сродни магистерской диссертации в ваше время.

– Ну и славно. – Петр откинулся на стуле и выпрямил спину. – Мы есть-то идем?

– Да! – Дан словно очнулся и на секунду задумался. – Ну, уж коль тебе современного и необычного захотелось – изволь, знаю одно местечко неподалеку. Там, конечно, не опасно, но вполне экзотичным и непривычным тебе покажется наверняка!

Выйдя на улицу, Дан свернул налево.

– Тут рядом совсем. Слушай, я все любопытство свое унять не могу – а что чувствуешь, когда ешь, а у тебя над ухом стреляют?

– Не знаю. – Петр посмотрел на удивленно вскинувшего брови Дана и добавил. – Я в такие переделки не попадал, хотя в местах, где такое возможно, бывал. Но только драки видел.

– Ясно. Жаль. Только Лео не рассказывай – вопросами замучает и воспроизвести попросит.

– Хорошо, не буду. – Петр чуть заметно усмехнулся.

– Ну, вот и пришли!

Дан остановился напротив слегка вогнутой двери, напоминающей то ли рыбий пузырь, то ли вконец исцарапанный блистер, за которым было довольно светло и смутно угадывались движущиеся тени. Дверь начала отъезжать в сторону, почему-то нарочито медленно. Петр оглянулся по сторонам и поймал взгляд черноусого прохожего в желтых кожаных шортах с ляжками на голое тело и в тирольской шляпе, который понимающе подмигнул обеими глазами, улыбнулся и показал сразу два больших пальца – мол, в правильное место идете, одобряю всецело. Петр улыбнулся в ответ, кивнул. И чуть пошатнулся от неожиданности, когда тротуар повез

его внутрь вслед за Даном.

Небольшой холл, сделанный в стиле грота с высоким потолком, оказался безлюдным – только шевелились какие-то кусты в углу, напоминавшие водоросли.

– Нам сюда! – Дан легонько потянул за рукав Петра. – Заходи в эту дверь, раздевайся и в душ. А потом надень то, что лежит на полке в пакете. Свою одежду оставь на этой же полке – ее потом заберешь, обновленной. Или другую выберешь, если захочешь.

– Ничего себе! – Петр удивленно поднял бровь. – А просто руки помыть недостаточно? Тут настолько стерильно? И что значит – другую выберешь?

– И стерильно тоже, но суть в другом – увидишь. А одежду – ну мало ли, вдруг другое что захочешь надеть, закажешь, как раз доставят...

– Ясно. Разберемся. Со включением-выключением душа там хитростей никаких нет?

– Нет, не волнуйся – по голосовой или мысленной команде. Слова любые – главное, чтоб суть того, что хочешь, отражали.

– Хорошо, успокоил. Встречаемся где?

– Там, за другой дверью.

Петр кивнул и шагнул внутрь предупредительно открывшегося большого, светлого и пустого помещения, тоже с высоким потолком. Дверь сзади тут же закрылась, а в стене синхронно открылась ниша с мягкой скамеечкой и двумя углуб-

лениями, в одном из которых лежало нечто, похожее на кусок желтого мыла, а посередине помещения из потолка потекла легкая струйка воды. Войдя в нишу и быстро скинув одежду, Петр повертел желтую котлетку в руках, положил на место и, вздохнув, отправился под душ, до которого было метров двадцать.

Дойдя и шагнув под струйку, мысленно скомандовал «сильнее!». Душ не прореагировал, пришлось повторить команду вслух. Сработало – и Петр, фыркая и отплевываясь, минут пять экспериментировал со всевозможными командами – «теплее», «шире», «снизу и сбоку», «мыло», и даже «ультрафиолет». Техника все безропотно выполняла, выдвигая мягкие обручи с дырочками и подавая воду с разных сторон, укутывая пеной и меняя освещение. Наконец, на слово «полотенце», выдала наигравшемуся Петру неизвестно откуда взявшуюся здоровенную махровую простыню и обдула вихрем горячего воздуха сверху.

На ходу вытирая волосы, Петр вернулся в нишу, бросил простыню на скамеечку и снова взял в руки желтую котлетку.

– Ну, и как эту штуку в одежду превращать?

– Просто приложите к плечу и слегка надавите, очень Петр! – тут же отозвалась душевая волнующим женским контральто.

– А что это ты вдруг такой эротичный голос выбрала?

– Согласно последним введенным параметрам, этот тембр и эмоции наиболее приятны вам и благоприятны для вас,

очень Петр!

– Это когда и кем же они введены? – с подозрением спросил Петр.

– Двадцать одну минуту назад, сотрудницей центра выравнивания метаболизма и социального соответствия.

– Какого-какого центра?! Это кто это и с какой стати мой метаболизм выравнивать взялся?

– Не волнуйтесь, очень Петр! – голос спустился на пол-октавы ниже и висков коснулась волна доброго и мягкого соучастия. – Это руководитель группы, которая помогала вам пережить событие. Такие изменения параметров входят в ее обязанности.

– А, так это та красotka, что пригласила меня в гости? А как ее можно найти?

– Да, это она. Найти ее можно в любое время – надо только объяснить, кого вы ищете.

– Ну так найди!

– Хорошо, очень Петр!

В ту же секунду в воздухе повисло изображение той самой девушки, расслабленно сидящей в полукруглом мягком кресле и по-прежнему одетой в тунику. Она подняла глаза от кота, развалившегося у нее на коленях, с веселым любопытством окинула взглядом замершего как столб Петра и улыбнулась.

– Звук убрать! – прошипел Петр.

– Убран!

– Изображение мое – по пояс! Сверху, только торс!

– Выполнено!

– Ты чего вдруг инициативу проявлять взялась, железа-ка?! Я ж тебя найти человека просил, а не сеанс видеосвязи устраивать!

– Найти и соединить – обычно синонимы, очень Петр!

– Ладно, потом с тобой разберусь... Звук включи!

– Включаю!

Девушка с чуть показным, но веселым терпением продолжала рассматривать Петра.

– Я правильно поняла, что удалось уладить недоразумение с техникой?

– Да. – Смущенно отозвался Петр.

– Замечательно! – Девушка улыбнулась во всю ширь очаровательной улыбкой и отпустила кота, бесшумно канувшего куда-то вниз. – Ты продолжаешь меня удивлять!

Петр густо покраснел, на секунду отведя взгляд.

– Прошу прощения, совершенно не хотел смущать или расстраивать! Я не какой-то...

– Ну что ты! – перебила она, мягко подняв руку, показав ладонь и грациозно опустив ее на колено. – Смутить меня сложно, поверь. Люди, застигнутые врасплох, выказывают очень разнообразные эмоциональные реакции, – и снова, на этот раз сдержанно и чуть грустно, улыбнулась. – А вот удивить у тебя получилось.

– Чем же? – Все еще смущенно буркнул Петр.

– Настороженностью без страха, даже любопытством в отношении незнакомой опасности в первом случае – и при этом отсутствием сильного стеснения или наоборот, острого желания показать себя во всей красе во втором, – девушка чуть помолчала. – Мне приходится иметь дело с мужчинами высоких статусов, то есть далеко не самыми глупыми или трусливыми, но человека с таким спокойным достоинством вижу впервые.

Она опять чуть помолчала и вдруг снова мимолетно улыбнулась.

– В главном, основном значении этого слова. Впрочем, и во втором смысле тоже все замечательно, насколько я успела заметить! И в обоих смыслах спокойное достоинство не вводит в заблуждение – я хорошо понимаю, как может быть на самом деле! – чем окончательно вогнала в краску Петра, непривычного к таким откровенным комплиментам, высказанным с самым серьезным видом.

Повисла неловкая пауза, девушка будто чего-то ждала. Петр уже открыл рот, чтобы снять неловкость остротой, но у девушки замигал красным подлокотник кресла. Она отвела взгляд в сторону, прислушалась к чему-то и с извиняющимся видом отключила связь.

– Поговорили... – пробормотал Петр и поднял голову. – Железяка, ты тут?

– Да, очень Петр!

– В следующий раз соединяй, только когда я прошу со-

единить, ясно?

– Я уже внесла коррективы.

– Хорошо. И коллегам своим передай!

– Передам. – после секундной паузы отозвался женский голос – с чуть заметной иронией и так, что под конец слышался легкий смешок.

– Ты чего хихикаешь?

– Как можно, очень Петр, я сама серьезность! – на этот раз легкая ирония звучала вполне явно.

– Ох, смотри, дошутишься... Ладно, недосуг мне с тобой тут – показывай, где выход.

От ног до дальней стены протянулась бледная световая полоска. Петр шагнул было, потом вспомнил, что не одет. Глянул на шершавый комок в руке, с размаху прилепил его к ключице – и буквально за секунду оказался одетым в тонкое и плотное трико бледно-желтого цвета с легкомысленными розовыми полосками по краям, вокруг лодыжек и запястий. Осмотрел внимательно руки и ноги, обтянутые словно шерстяным бельем с легким золотистым отливом, чуть вздохнул глядя на розовые полосочки, и размеренно зашлепал босыми ногами к выходу, бормоча под нос:

– Пообщался, называется... Герой с достоинствами... Вылез во всей красе... и как зовут не спросил...

Но вдруг сбился с шага: по щеке будто провели ладонью и еле слышно, но отчетливо прозвучало – «Марика».

Пол метнулся навстречу и мягко подхватил под локоть,

явно горя желанием удержать и не дать упасть, и тут же откуда-то сверху приглушенно зазвучало знакомое контральто:

– Не волнуйтесь, это была моя подсказка. В соответствии с вашим статусом.

Чуть раздраженно сбросив с локтя отросток пола, Петр пробурчал:

– И по щеке – тоже твоя инициатива?

– Не совсем – это я всего лишь передала эмоцию Марики на возможный вопрос об ее имени.

Петр удивленно нахмурился, пытаясь понять, где грань между реальной эмоцией девушки, вероятной возможностью ее возникновения и тем, что ощутил благодаря технике, – но только запутался. И, чтобы скрыть очередное смущение, ворчливо повысил голос:

– А хоть что-то я могу делать, чтобы за мной не следили, не подсказывали и под локоть не хватали!?

– Нет, очень Петр! – снова раздалось уже знакомое, еле заметное хмыканье.

* * *

– Ты где застрял? – Дан стоял за дверью, в следующем, похожем на первый, но только уже зеленом гроте, облаченный в такой же аналог термобелья с розовыми полосочками.

– С Марикой разговаривал, – решил не скрывать Петр.

– Какой Марикой? – не понял Дан.

– Той самой, что меня во время теракта развлекала, а потом пригласила в гости.

– Да ладно?! Правда, что ли? – заулыбался Дан и хлопнул ладонью себя по животу. – О-о, она видимо знает толк в том, когда именно сто́ит звонить!

– Ничего она не знает, – снова покраснел Петр. – Я сам позвонил. Случайно.

– Прямо из-под душа? – продолжал веселиться Дан. – Или предварительно слегка вытерся полотенцем? Эдак небрежно?

– Да хватит тебе зубоскалить-то! Попросил систему найти девушку – а она взяла, да и соединила сразу!

– А девушка? Что девушка? Ответила на звонок? – не унимался Дан.

– Ответила, – и, предваряя дальнейшие расспросы, Петр тут же уточнил:

– В нормальном виде, обычном, не надейся. В кресле сидела. Одета в то же, в чем и первый раз была.

Дан вдруг посерьезнел.

– Правда?

– Ну да. А что?

– Да то, – Дан уже второй раз за сегодняшний день глянул с нескрываемым уважением на Петра. – Если бы она тебя сочла обычным, то не отозвалась бы. Или наоборот, вышла бы в нижнем белье. Или без него – по ситуации.

А вот ты ее чем-то сильно зацепил, космонавт ископае-

мый! Вот она и сидела в кресле, да еще и в той же одежде.

– Да? – настала очередь удивляться Петру – То-есть голышом – это от равнодушия, а в одежде и сидя в кресле – от полноты чувств?!

Дан снова заулыбался и легонько хлопнул Петра по плечу.

– Именно так, сердцеед ты марсианский, именно так! Девушка ясно дала понять, что она вне работы общается с тобой, в перерыве. Да еще и сидя в кресле. Ну то есть очень-очень лично, не формально. При этом – заметь, – совершенно не важно, в каком виде был ты. Это я твой возможный вопрос предвосхищаю. Не волнуйся – она-то как раз моментально разобралась в ситуации.

Петр вспомнил, в каком виде был он, коротко вздохнул, махнул рукой и посмотрел в дальний конец грота.

– Ладно, еще одно обстоятельное объяснение откладываем на потом. – Кивнул он головой в сторону противоположной стены – Нам туда? Есть-то наконец будем сегодня?

– Да будем, будем... – Дан первым направился к предупредительно открывшейся широкой двери. – Голодным точно не останешься.

За дверью все оказалось погруженным в густой туман, подсвеченный изнутри неяркими, разноцветными сполохами. Но, как только перешагнули порог, туман начал постепенно рассеиваться, и взору предстал край бассейна как минимум олимпийских размеров, противоположный конец которого еще терялся во мгле. Поймав удивленный взгляд Пет-

ра, Дан успокоительно махнул рукой, шагнул к краю и почти без всплеска ухнул с головой в прозрачную воду. Сделал пару мощных гребков, уселся по-турецки на дне почти посередине, и оттуда плавно махнул рукой в приглашающем жесте – мол, «не тушуйся, ныряй сюда!».

Петр осторожно подошел к краю, наклонился, потрогал воду. Вода оказалась температуры тела и какой-то мягкой, словно в нее добавили глицерина. Осторожно спустив одну ногу, затем другую, приготовился нырнуть, но стенка бассейна предупредительно вырастила ступеньки. И, мысленно поблагодарив на этот раз успешно угадавшую технику, со словами «эх, видимо привыкаю...», спустился на дно. Затаив дыхание, попробовал усесться напротив Дана, но и тут бассейн предупредительно вырастил что-то вроде низкого кресла или скамеечки с подлокотниками.

Дан молча протянул полупрозрачную трубочку и показал рукой, как ее раздвоенный, словно жало змеи, конец надо засунуть в нос, чтобы дышать, что Петр сразу же и сделал.

– Это чтобы с непривычки дискомфорта не испытывать, – неожиданно отчетливо произнес Дан, даже не выпустив пузырей. – А вообще это не вода, этой жидкостью можно спокойно дышать. Только громко и разборчиво говорить сложно, потому приходится использовать ларингофоны на горле. Тебе, кстати, тоже уже прилепился. Но что поделать, искусство еды требует жертв!

Петр вынул один из концов трубочки из ноздри и попро-

бывал осторожно вдохнуть жидкость. Почти ничего не почувствовав, вдохнул поглубже, выпустил пузыри, вдохнул еще раз – и голова слегка закружилась.

– Но-но, ты поосторожнее, тут кислорода достаточно! – поняв в чем дело, предупредил Дан. – Дыши слегка, вдыхая-выдыхая по чуть-чуть, будто во сне – и все получится.

Петр так и сделал – и с удивлением понял, что пузырей уже нет, воздух в легких закончился, и он дышит странной жидкостью. Сознание тут же возбудилось, попыталось призвать к немедленному спасению жизни через выныривание, сердце заколотилось с удвоенной силой, но побороть панику удалось на удивление быстро.

– Нн... иии..чего... – попытался произнести он, чтобы успокоить Дана, но говорить оказалось на удивление сложно, жидкость выталкивалась из легких труднее воздуха, а голосовые связки тут же нестерпимо зачесались и отказались работать.

– И говорить громко не пытайся! – вновь вмешался Дан. – Связки быстро посадишь. Шепчи себе под нос тихонько, а ларингофон все как надо передаст.

Петр невольно поднес руку к горлу и нашел ларингофон, на ощупь неприятно напомнивший слизняка. Отдернул руку, поморщился чуть брезгливо, и попробовал говорить тихим шепотом:

– Так? Да, вроде получается. Хм, в интересное местечко ты меня привел. Ну и как есть-то тут? Сырой рыбой, как тю-

лени питаться будем?

– Нет! – засмеялся и аж закашлялся Дан. – Не как тюлени. Хотя в чем-то да... Так, для начала давай-ка закусочку легкую, чтобы тебе пообвыкнуться и рецепторы вкусовые настроить, а уж потом возьмем меню.

– Ну давай.

Дан кивнул и пошевелил рукой, слегка обернувшись, словно подал сигнал кому-то у себя за спиной. И тотчас жидкость в бассейне пришла в легкое движение, словно некое подводное течение решило себя обозначить. Впрочем, видимого дискомфорта это не принесло, так как оно оказалось несильным и постоянным.

Но лишь только Петр приспособился к течению, чуть заметно склонившись в его сторону, Дан еще раз пошевелил рукой – и в метре от его головы часть жидкости вдруг окрасилась разноцветными полосами, словно проявившись из ничего – которые, чуть извиваясь, плавно устремились справа налево.

Дан присмотрелся к ним, а затем чуть наклонился и прикоснулся губами к зеленой, втянув часть ее, словно макаронину. С видимым удовольствием то ли пожевав, то ли просто погоняв во рту, потянулся к бежевой и жестом пригласил Петра присоединиться.

Петр ответил вопросительным взглядом – мол как, подачу этой еды включить-то?

– Рукой прикажи за спиной – мол давайте, пора уже!

Петр молча кивнул, протянул руку за спину и пошевелил пальцами, словно подзывая поиграть котенка – и тут же мимо лица потянулись разноцветные полосы. Выбрав наугад светло-голубую, осторожно прикоснулся к ней губами – полоса оказалась солоновато-мятной. У зеленой был вяжущий, сладкий вкус, желтая отдаленно напоминала ванильное мороженое и была столь же холодна, а розовая вообще ни что не походила – что-то вроде бы сладко-острое, но совершенно не обжигающее, и при этом по консистенции гораздо более плотное и упругое, чем все остальное.

– Ну как? – Спросил Дан.

– Забавно! А как эти полоски называют?

– Ручьи.

– Хм, неожиданно. Но в принципе понятно.

– Ну и отлично. А коли так, давай пройдемся по меню.

Между ними тут же замерцал прозрачный экран с волнистыми надписями, а съедобные полосы чуть истончились.

Петр попробовал вчитаться, но ровным счетом ничего не понял – ни одного знакомого названия, и даже привычное деление на закуски, горячие блюда и десерт отсутствовало.

– Слушай, я тут ничего не понимаю, так что давай на твой вкус.

– Как скажешь! – Отозвался Дан, не отрываясь от чтения.

– Слушай, а ведь этот текст ко мне повернут – ты его что, задом наперед читаешь?

– Вот еще! Не смотри, что меню прозрачным кажется –

оно к каждому из нас правильной стороной повернуто. Как это объяснить – по правде говоря, затрудняюсь. А вот у Лео, кстати, поспрашивай – он как раз ко всяким таким экранам и иллюзаторам какое-то отношение имел, даже к их производству вроде бы.

– Он же историк?.. Хм, ладно... Хорошо, спрошу при случае. Выбрал?

– Выбираю, выбираю...

– Тебе тоже сложно?

– Видишь ли... – Дан почесал подбородок, – тут все чуть мудренее, чем в обычном меню с обычной едой.

– Чем же?

– Более сложными регулировками и сочетаниями. То-есть обычно у тебя выбор ограничивается выбором блюда и гарнира к нему, максимум еще парой соусов. И регулировать что-то можно весьма ограниченно – соленость, степень прожарки, еще перчик там, побольше-поменьше... Ну и все. А тут можно управлять насыщенностью каждого отдельного вкуса, плюс дополнительными... как бы сказать... параметрами – гибкость, упругость, шершавость ручейка. И сочетаниями – вкусов в одном ручье, в узлах и реках...

– В чем? – перебил Петр.

– В реках... Река – это когда несколько ручьев сливаются. А узел – просто соединяются, ненадолго. Вот так сходятся, потом расходятся. – Дан показал руками.

– А, понятно. И?

– Что «и»?

– Дальше рассказывай, про сочетания.

– Ну, а еще разную скорость у отдельных потоков в реке можно установить. Сделать так, чтоб интенсивность – в смысле насыщенность вкуса – менялась, или шершавости в нужном месте добавить. Разность потенциалов между отдельным ручьями установить – чтоб покалывало, эдак кисленько... Что еще.... – Дан призадумался. – А, еще можно вкрапления вносить. М-м, как цукатики такие в желе, или орешки в мясе. Тоже с изменяемыми параметрами.

– Ничего себе! Как ты в этом разбираешься-то?! Тут, наверное, жизнь положить надо, чтоб нормально жрать научиться. Или, как минимум, образование специальное получить!

– Не утрируй, – усмехнулся Дан. – Просто звучит непривычно, а так обучаешься всем этим премудростям быстро. Да и типовые сочетания есть, в отдельном разделе перечислены – и под настроение, и под температуру... Да, температуру среды еще менять можно, но это на любителя, а так 36,6 по умолчанию... Но это все ерунда, освоишь без проблем, если интересно будет. А вот с кожным вкусом – это да, действительно премудрость!

– Чем-чем?!

– Кожным, кожным вкусом. Ты что думаешь, случайно в душ ходил, а потом костюмчик специальный одевал?

– Почему случайно... В одну воду же вместе лезть, тут

гигиена не помешает.

– Какая гигиена, предок ископаемый? Если ты полагаешь, что в душ ради дезинфекции лазил, то ошибаешься. Это как раз легко сделать, и совсем незаметно. А вот кожу для восприятия вкусов настроить – тут да, без специальной подготовки не обойтись. И костюм тоже, не просто чтоб обрядиться. Или купальник какой. Без него разными частями тела разные вкусы одновременно не почувствуешь, а уж их смену тем более!

– Ничего себе! Представляю описание блюда каким-нибудь ресторанным критиком:» – И последний, сливочно-чесночный аккорд в левой пятке изумительно сочетался со вкусом жареных фиников подмышками».

– А финики разве жарят?

– Нет, это я так, не обращай внимания... Кажется, начинаю понимать ежиков...

– В смысле?

– Что не зря они яблоки у себя на иголках таскают, ох не зря... Знаешь, давай начнем с чего попроще, а кожей есть, как росянки какие, потом попробуем, ладно?

– Да кожей не есть, просто вкус ощущать... Ладно, как скажешь. Готов?

– Да!

– Приятного аппетита!

Полосы, они же ручьи, пришли в движение, кое-где переплетаясь и свиваясь в узлы.

Дан с видимым удовольствием прикасался губами то к одной, то к другой, втягивал в себя словно макароны, а иногда нетерпеливым движением пальца ускорял приближение узла – чтобы, зажмурившись, проглотить его целиком и прожевать. Понаблюдав за ним с минуту, Петр присоединился к пиршеству. Вкусы оказались ни на что не похожи, но удивительным образом сочетались друг с другом. И даже повышенная вязкость одного из узлов оказалась вполне уместной.

Утолив первый голод и острое любопытство, Петр чуть откинулся назад и умиротворенно произнес:

– Ты про вырожденцев рассказать обещал.

– Про вырожденцев... да... – Дан продолжал по чуть-чуть «отщипывать» губами и смаковать вкусы из разных «ручьев». – Ну, слушай. Социально-деструктивные элементы существовали всегда и во всех обществах. В твоё время это выражалось, например, в терроризме, который использовался как вполне варварский инструмент в борьбе за власть и передел мирового влияния. То-есть, в конечном итоге, за возможность лучше жить определенным группам людей. Только мерилom власти раньше являлось количество практически безличных денег... О, вот это особенно вкусно, рекомендую... Да... А сейчас денег нет, вместо них есть очень даже личный статус защищенности у каждого человека. Поэтому и тактика людей, желающих не принятыми в социуме честными методами побороться за улучшение жизни, тоже изменилась...

Неожиданно Дан замер, будто прислушиваясь. Потом поднял серьезный взгляд на Петра.

– Знаешь, пожалуй, трапезу придется прервать. И, наверное, вместо столицы нам сейчас важнее будет отправиться на Марс. Причем побыстрее. А дорасскажу по дороге, хорошо?

– Это почему?

– Кажется, на Марсе нашли тебя.

* * *

Из-под купола небо, казалось, чуть более светлым, чем с поверхности. Дул сильный ветер, и пыль огибала купол, порой перехлестывая через него. Дышалось легко, но при взгляде на пыльные смерчи снаружи в горле невольно першило.

Подойдя к северному тамбуру, Петр невольно обернулся и задержал взгляд на аккуратных, почти одинаковых домиках с желтыми крышами, тонущих в зелени садов. На фоне которых, за прозрачной стеной, зловещими языками поднималась песчаная буря. Контраст и пугал, и завораживал – домики казались беззащитными перед мощной, слепой стихией.

Войдя в тамбур, прилепил на плечо таблетку и подождал, пока развернется и укутает с головой прозрачная пленка легкого скафандра. Затем отодвинул рукой прозрачную шторку

и подошел к диафрагме, закрывающей выход наружу. Пройдя через открывшийся овальный выход, ступил на поверхность планеты, чуть качнувшись от порыва ветра.

Лео, Тим и Дан стояли в трех шагах, у небольшой открытой машины, прихваченные гибкими отростками, растущими из ее бока. Петр подошел к машине и все молча влезли в нее, рассевшись попарно. Появился четвертый отросток и обвился вокруг Петра, прижав его к сиденью. Петр оказался рядом с Лео и, повернувшись к нему, спросил:

– Далеко?

– Не очень. Минут десять лету.

Машина приподнялась, чуть опустила нос и, тихонько засвистев, устремилась к высокому холму вдалеке. Вслед за ней потянулась плотная стайка поднявшихся от подножия купола небольших зеленых шаров автоматов сопровождения.

Буря пока не вошла в силу, до начала настоящего разгула стихии было еще далеко, но крепчающий ветер уже начал поднимать вместе с пылью и песок. Холм порой скрывался за грязно-коричневой мглой, сквозь которую двигалась машина.

Петр молчал, погруженный в невеселые мысли. Молчали и остальные.

Через десять с небольшим минут машина остановилась в неглубоком распадке, в который задувало не так сильно. Большая прозрачная палатка укрывала белый обтекаемый

корпус какого-то прибора, слегка закопавшегося в дно оврага. Войдя в палатку, чуть задержались у входа, только Тим сразу направился к прибору и погрузил в него правую руку. Спустя секунду, в воздухе повисла картинка из множества хаотично расположенных точек. Подойдя ближе к изображению, Дан молча ткнул пальцем в его середину. Присмотревшись, Петр увидел небольшую фигурку, лежащую на спине, а рядом с ней два одинаковых прямоугольника.

– Похоже, действительно я. – Невесело произнес Петр. – Вот номер на скафандре, а вот аварийные блоки. Пустые, но расстаться с ними я почему-то не смог. Только почему на Марсе?

– И физические параметры тела в скафандре один-в-один твои... Но давайте все же дождемся, пока техника извлечет все на поверхность. А так – что гадать? – произнес Тим, продолжая сосредоточенно копать рукой внутри прибора.

– Ты, главное, не расстраивайся! – Дан попробовал разрядить повисшее молчание. – Если и извлечем, то только какую-то мумию. А мы знаем тебя, каким бы манером ты на свет не появился! И для нас ты человек, а не эти останки!

– Спасибо, утешил, – Петр усмехнулся углом рта. – В предыдущий раз утешение я услышал от ребят из Центра управления полетом – когда мне сообщили, что помощи ждать не придется, но они до конца будут со мной на связи.

– Ну, ты и сравнил! – возмутился Лео. – А ну-ка, хватит меланхолии предаваться! Тоже мне, рыцарь космический,

печального образа!

– Ага, печального... Вы меня извлеките сначала, потом похороните – а я на ваши образы посмотрю при этом... Кстати, а на какой глубине я тут лежу?

Дан остро глянул – с ехидным пониманием двусмысленности вопроса – потом отвел взгляд и прищурился, глядя на картинку.

– Двести двадцать семь метров. Эх тебя, бедного, прикопало-то...

Петр аж задохнулся от возмущения и собрался ответить, но его неожиданно перебил Тим:

– Подождите!

Все повернулись к Тиму.

– Вон туда, туда смотрите! – Тим указал на стену палатки. – Смотрите, смотрите! Ничего не видите?

– Где?

– Точнее покажи!

– Ничего не видно! – загомонили все, перебивая друг друга.

– Извините, кажется, померещилось... – растерянно произнес Тим.

– Стоп-стоп-стоп! Что тебе померещилось? – напрягся Петр.

– Облако какое-то...

– Интересно! Мне, прежде чем к вам перебрался, тоже мерещилось... Стеночка такая... на Станции, в коридоре к бас-

сейну...

– Ты хочешь сказать, что Об-бъект или что тут есть, с ним связанное, оп-пять действовать начинает?! – от волнения Тим даже начал чуть заикаться. – Прошу вас, никуда, никуда не уходите! И смотрите туда! Вон туда! Я сейчас б-быстренько к куполу сгоняю, приборы притащу!

– А самому-то зачем? Просто машину сгонять нельзя? – резонно спросил Дан.

– Так быстрее! Пока об-бъяснишь, что нужно... Я мигом! – Тим неуклюже развернулся к выходу и двумя широкими шагами, напоминая взволнованный циркуль, подлетел к поднявшемуся клапану и выскочил из палатки. Через несколько секунд раздался свист, и по палатке скользнула тень машины, рванувшейся в сторону базы.

– Ах бедный, разволновался-то как! Ускакал, даже ноги не вытер... – вроде как серьезно нахмурившись, покачал головой Дан. – Вот денек сегодня – просто праздник нервных срывов! Петр, Тим... Лео, теперь твоя очередь!

– Спасибо, доктор, уступаю...

– Нет уж! А кто вас, болезных, пользоваться будет?! Нельзя мне! – Дан притворно вздохнул.

– Давайте-ка лучше выйдем наружу – так виднее будет, если опять что-то мерещиться начнет. – Предложил Лео и тоже направился к выходу.

Выйдя из палатки последним, Петр наконец-то огляделся. Неглубокий овраг между скал, дно засыпано песком. С одной

стороны маячил холм, послуживший ориентиром, с другой – уходящие вдаль склоны, теряющиеся в пыльной дымке.

– Нас тут не сдует? – чуть озабоченно спросил Дан.

– Не волнуйся, буря наберет обороты только через пару часов... – рассеянно ответил Петр, продолжая рассматривать окрестности. – Странно, местность та же, где и должны были высадиться. Но я не вижу здесь ни одного грибочка, пойти по которым я и собирался по прилету. Внешне забавные такие, на задницы похожие. Еще американскими марсоходами найдены. Куда они делись?

– Знаешь, боюсь, что на поверхности тебе их больше не увидеть, только в закрытых заповедниках, – чуть подумав, произнес Дан. – Первые экспедиции, кроме приборов и чисто научного любопытства, понатащили с собой земных одноклеточных и вирусов. Которые благополучно мутировали и, пока люди не опомнились, успели погубить почти всю марсианскую флору и фауну. После чего и принято было решение о колонизации Марса и его, так сказать, «оземеливании» – стали подогрывать несколько ледников и напустили туда цианобактерий для насыщения атмосферы кислородом. А в пески посеяли культуры других простейших, способных преобразовать кислую среду в нечто более похожее на земные почвы... В общем, лет примерно через пятьдесят, Красную планету будет не узнать!

– Постой-постой – ты хочешь сказать, что и я в этом участвовал?

Дан посмотрел Петру в глаза.

– Почти да. На скафандрах твоих коллег из второй экспедиции были земные вирусы. С наружной стороны, в щелях крепежа перчаток и шлема.

* * *

Лео и Дан напряженно замерли, продолжая всматриваться в сторону, указанную Тимом. Отойдя от них на пару шагов и присев у края оврага, Петр привалился спиной к скале и задумался.

Если отвернуться и не видеть палатки с двумя неподвижными фигурами рядом, то будто просто очнулся от сна. И лишь едва заметный прозрачный скафандр да стайка зеленых шаров-автоматов мешали до конца поверить в то, что это был не сон. Склон напротив, испещренный трещинками и неглубокими впадинами, живо напоминал тот, у которого он так недавно готовился высадиться.

Навалилась апатия. Вдруг перестало быть интересным все – возможное появление миража, который предварил и его путешествие за сотни парсеков и лет, и скорое появление Тима, и даже извлечение из песков его (или не его?) тела. Видимо, чудесное воскрешение и последующие за ним три недели подаренной Объектом жизни все-таки не прошли даром, несмотря на дружелюбность мира, в котором довелось оказаться.

Песчаная буря постепенно усиливалась, песчинки перелезали через ногу и собирались маленьким барханчиком возле нее. Вспомнилось пещерное наваждение и вдруг подумалось, что сейчас вернется Тим, откопают его тело – а он с ним соединится и все кончится...

Лео и Дан зашевелились и, переведя взгляд на них, а потом и в ту сторону, в которую указывал Дан, Петр увидел вдали, над склоном, еле заметное облако. Облако висело неподвижно, порывы усиливающегося ветра для него будто не существовали. Прозрачные серые клубы медленно поднимались в зенит, отдаленно напоминая грозовую тучу. Мелькнули росчерки рванувшихся к этой туче многочисленных аппаратов. Пара из них, похоже, даже свалилась с низких орбит. А зеленые шары, казалось, аж задрожали в готовности защитить людей от неведомой напасти.

Сердце у Петра заколотилось, апатия моментально исчезла – если Объект опять начинает себя проявлять, то не до самокопаний тут! Эх, скорее бы прилетел Тим!

Вдали и впрямь послышался нарастающий свист, а затем и появилась быстро растущая точка летящей на всех парах машины.

Облако, как назло, будто почувствовав, замигало и исчезло.

Подлетевшая на большой скорости машина, заложив лихой вираж, легла на дно оврага недалеко от палатки. По-прежнему сильно взволнованный Тим выскочил, привет-

ственно махнул рукой – и тут же отвернулся, перегнулся через борт и принялся торопливо выгружать небольшие блестящие ящики, которые тут же устремлялись своим ходом к палатке. Некоторых из них Тим нетерпеливо подгонял пинками.

Лео с Даном продолжали смотреть в сторону исчезнувшего облака. Петр поднялся и сделал пару шагов к ним.

– Может, пойдём, поможем Тиму? – тихо спросил он.

– Ага... да, сейчас... – торопливо ответил Дан, не отрывая взгляда от кромки оврага. Лео промолчал, напряженно глядя туда же.

– Эй! – Петр помахал растопыренной ладонью перед носом Дана. – Доктор, ау! Хватит! Пойдем-пойдем, надо действительно помочь Тиму побыстрее с приборами разобраться! Буря скоро в силу войдет. А облачко никуда не денется, опять появится.

– Ты полагаешь? – Дан наконец повернулся к Петру и взгляд его приобрел осмысленное выражение.

– Думаю – да. Я же сначала тоже в коридорчике нарисовался в обличье призрака. А облачко чем хуже?

– Не знаю... Но что оно больше тебя – это точно.

Дан, а за ним и Петр с Лео повернулись к Тиму, но вдруг Дан сделал резкий поворот назад всем корпусом и вскинул руку.

– Вон, вон оно! Опять! Тим, тебе долго с аппаратурой разбираться?

– Да нет, сейчас-сейчас, пару минут... – кряхтя, отозвался Тим.

– Помочь?

– Спасибо, не надо, только мешаться будете... помощники... – Ворча, Тим уже вырастил из ящиков манипуляторы, и, мысленно командуя, расставлял на песке свои приборы.

Неожиданно почва чуть дрогнула, и Петр с запоздавшим прозрением закричал:

– Постойте, это не облако! Не облако, а мы можем...

Тим поднял голову, в его расширившихся глазах проскочила искорка понимания, и...

Тим исчез. Исчезли овраг, приборы, палатка – а навалившаяся тяжесть прижала к земле, не давая вздохнуть...

Часть II

Щека упиралась в камень. Даже через пленку скафандра ощущался зазубренный край его острого скола. Пульсирующая кровь как будто слегка подбрасывала голову – и казалось, что каждый раз камень врезается в щеку глубже и глубже.

Слышался постоянный, идущий волнами гул, и ритмичные толчки крови порой попадали в унисон с ним, болезненно отдаваясь в костях черепа.

Разлепив глаза, Петр снова зажмурился – показалось, что неяркий свет резко ударил по вискам и затылку. Полежав еще пару секунд, вновь осторожно приоткрыл веки и сфокусировал взгляд на сером булыжнике, в который упиралась щека. Затем с усилием приподнял тяжелую голову и огляделся.

Пустынная, каменистая равнина, присыпанная пеплом. Явно не Марс – сила тяжести близкая к земной. Легкое облако, которое недавно привиделось над склоном оврага, оказалось плотной тучей над жерлом вулкана, приглушенно грохотавшим вдали.

Рядом лежал, раскинув руки, Дан, чуть поодаль – свернувшийся калачиком Лео. Тима нигде не было видно.

Поднявшись на ноги, Петр покачнулся, тряхнул головой и сморщился от накатившей боли. Затем подошел к Дану,

тронул его за плечо. Дан пошевелился. Теперь два осторожных шага к Лео. Тот очнулся сам и медленно разогнулся, со стоном переворачиваясь на живот.

Петр еще раз осмотрел окрестности. Справа плато уходило за горизонт, слева маячил вулкан, изредка сверкая красными сполохами у жерла. Чуть дальше за ним торчали еще два конуса поменьше и четыре совсем вдаль, тоже извергавшие дым вперемешку с пеплом. Спереди, почти скрытый голубой дымкой, виднелся горный хребет – не очень высокий, если судить по отсутствию заснеженных вершин. Позади – то же бесконечное плато. Низкое небо, сплошь затянутое тучами, казалось, давило сверху.

В голове стало проясняться, по коже побежали мурашки – очнувшийся комбинезон или скафандр – а может, и оба вместе, кто их разберет, – во всю старались привести организм в порядок.

Дан сел. За ним приподнялся, оперевшись на руку, Лео. Оба, так же как и Петр минуту назад, внимательно осмотрелись по сторонам.

– А где Тим? – хрипло спросил Лео и коротко кашлянул, прочищая горло.

– Боюсь, он был слишком далеко от нас и остался в овраге. – Петр уселся поудобнее и сцепил руки на коленях. – Похоже, моему полку прибыло. Ну что ж, поздравляю! Кажется, вы тоже вошли в когарту путешественников. – И чуть саркастически добавил:

– Точнее, в эдакий КНП, Клуб Невольных Пилигримов.

– Спасибо... может быть, на правах старейшего члена, что-нибудь скажешь новичкам? Для начала – где мы?

– Рад бы – но небо, сам видишь, тучами затянуто. Надеюсь, что на Земле, судя по силе тяжести. Хотя не факт.

– Не факт... И что теперь делать будем? – до Лео, кажется, начало доходить, в какой ситуации они оказались. Он вскочил и еще раз, более осознанно осмотрелся, покрутившись на месте. Затем начал двигаться по расширяющейся спирали, глядя поочередно по сторонам и себе под ноги. На втором витке споткнулся, но продолжил двигаться, только чуть более нервно.

– Не мельтеши! Сядь. Сядь, кому говорю! – Петр похлопал ладонью рядом с собой. Лео остановился, послушно подошел и сел.

– Так что делать-то будем? – стараясь не выдать волнения в голосе, спросил он.

– Что делать, что делать... Жить! Точнее – выживать. Дан, в этих скафандрах есть какие-нибудь анализаторы?

– Есть, конечно. – Дан отвлекся от созерцания пыли, которую задумчиво растирал между пальцами. – Только наглядно вывести результаты не могут, лишь эмоционально предупредить о степени враждебности внешней среды. Пока, как видишь, молчат.

– Хорошо. Хоть так, и то ладно. А насколько хватит их ресурса?

– Скафандры легкие, поэтому все необходимые для дыхания газы получают извне. Отходы жизнедеятельности тоже частично утилизируют. Если кислорода достаточно и вредных примесей мало – месяца на три ресурса хватит. Но не забывай, что надо пить и есть, а этим они нас обеспечить не смогут. Да и возможности регенерации воды у них весьма скромные... Вот если бы мы были в скафандрах разведки...

– Ой, давай только впустую мечтать не будем! А лучше будем исходить из того, что есть. Есть же только простые скафандры – следовательно, в запасе у нас считанные часы, потом начнем погибать от жажды.

Петр помолчал.

– Значит, так. Единственная возможность выжить – двигаться на поиски воды, а желательно и пищи. Если, конечно, они тут имеются вообще. В любом случае – сидеть на месте не стоит. Есть малейший шанс – значит, попробуем им воспользоваться. Предлагаю двинуться туда, – и он, чуть поколебавшись, указал рукой вправо. – Воздух там более чистым кажется. Значит, скорее всего, близко край этой равнины. И, возможно, наличие растительности. Если вы не против, пойду первым, а вы старайтесь идти за мной шаг в шаг. Хорошо?

– Да, ты прав. Действительно, что расслаживаться-то! Давай, веди уж, первопроходец. Лео, двинулись? – Дан встал и отряхнул серую пыль с рукава.

– Двинулись.

Петр тоже встал и пошел размеренным шагом, стараясь

беречь силы.

Плато, усеянное россыпью мелких камней и изредка попадавшимися крупными булыжниками, уныло простиралось вдаль. Мягкий пепел под ногами гасил звук шагов, из-под ног поднималась серая пыль, которую легкий, но устойчивый ветерок относил влево, к вулканам. Медленно клубящиеся в небе тучи были настолько плотными, что просвета, по крайней мере в ближайшее время, ожидать не приходилось.

Спустя минут десять, Дан прервал воцарившееся молчание, нарушаемое только дыханием.

– Вот ведь, куда выбросило-то... Нет, чтобы к теплomu морю, на пляжик – обязательно в пустыню мрачную надо было, к вулканам и пеплу...

– Здесь тоже не холодно, к счастью, – отозвался Лео. – Петра вон вообще в космос зашвырнуло, так что радуйся.

– Ну да... Если так рассуждать – так вообще просто несказанно повезло! А интересно все же – где мы? – не унимался Дан. – И во времени и, так сказать, территориально. Петра в будущее Объект отправил, а нас?

– Нас? А может и не нас? Ты лучше подумай – Тим сейчас, вполне возможно, вместе с Даном и Лео останки Петра скорбно на свет извлекают, а мы – так, копии клонированные... бредем себе тут, неизвестно куда...

– Молчи уж, жертва эксперимента! – нарочито экспрессивно махнул рукой Дан и задумался. – А впрочем – кто его

знает? Я, честно говоря, не очень-то верил, что мы Петра откопаем. В худшем случае – оболочку, скафандр с муляжом каким-нибудь. А тут... Ну не верю! Не хочет мой мозг признавать, хоть ты тресни, что вот это – Дан похлопал себя по бокам и груди, – всего-навсего дубликат!

– Ну и не верь, если тебе так легче. Мне вот другое интересно стало – на Марсе и Земле есть точки, как-то связанные с нашим Объектом, и из этих точек людей перебрасывает неизвестно куда. Кстати, скорее всего, на Марсе в них же случались аварии при строительстве куполов. Наверное, и в окрестностях Марса тоже такие точки имеются, если вспомнить запущенные к нему в старину и пропавшие межпланетные станции... Катастрофу с восьмым паромом к ним же отнести можно... Здесь, видимо, тоже подобная аномалия. А вот точек этих – ограниченное количество? Или, наоборот, очень много? А путешествия из одной в другую – только в одну сторону? Или же обратный переход тоже возможен? Может не сразу, а как-нибудь по кругу, пройдя через несколько точек?

– Да уж, это разузнать было бы полезно. Весьма. Но как? Петр, а ты что думаешь?

– Я, если честно, об это не задумывался пока. Нам сейчас в принципе выжить нужно. А уж потом, если получится, и о перемещениях поразмыслить можно будет. Но, если учесть, что Объект – и что-то там с ним связанное на Марсе – влияют на вероятность процессов, то вполне реально,

что и обратный переход тоже возможен. Правда, совершенно непонятен механизм перемещения. И если движение во времени вперед еще понятно, то об обратном ни я, ни ваши современники ничего не знаем даже теоретически. Не так?

– Так. – уныло ответил Дан. – Остается верить, что хоть во времени нас не как тебя зашвырнуло.

– А какая разница? – возразил Лео. – Если не во времени, но в пространстве – то какая разница-то? Идем себе по планете – а она за миллионы парсеков, в галактике, которую с Земли едва видно. Или не видно... Да даже если в нашей – не факт, что планета эта вообще известна или что к ней в ближайшие сто лет прилетят.

– Что гадать... – Петр посмотрел вверх – показалось, что начало темнеть. – Выживем – увидим...

* * *

Незаметно наступили сумерки. Сполохи огня из жерла вулкана яснее проступили на пепле, делая окружающий пейзаж совсем уж мрачным и зловещим. Затем окончательно стемнело и идти стало неприятно, если не сказать невозможно, несмотря на включившееся в скафандре ночное видение.

Разом навалилась усталость.

– Все, привал. – Петр остановился и неторопливо опустился на землю, подняв легкое облачко пыли. – Дальше пойдем, когда рассветет. Сейчас лучше поспать и сил набраться.

Или, если не набраться, так хоть сэкономить имеющиеся.

– Да уж, точно – сэкономить... – Дан, покряхтывая, улегся на спину рядом и положил руки под голову. Лео молча умогнулся перпендикулярно, положив голову ему на живот. – Жаль, поесть нечего. И пить уже хочется.

– Хочется. Остается надеяться, что завтра воду найдем, – Петр смежил веки.

И после паузы добавил:

– Давайте помолчим, а? Поспим, а соображения утром выскажем, если что в голову придет. Я серьезно, лучше сейчас как можно меньше сил тратить. Неизвестно, сколько их еще понадобится.

– Уговорил, – Дан вздохнул. – А не понадобятся – опыт медленного загибания на чужих планетах у тебя уже есть – поделишься, если что... – и, зевнув очень натурально, продолжил:

– К тому же нас трое – а значит, как ни крути, уже не скучно будет. Да, Лео?

– С тобой соскучишься, пожалуй. Кого угодно достанешь! Может, хоть на том свете от твоей болтовни отдохну...

Петр улыбнулся, не открывая глаз. Все-таки система отбора в космонавты у потомков работала правильно! Вряд ли эти ребята не понимали опасности – несмотря на то, что всю жизнь прожили в безопасном мире. И если сейчас продолжали спокойно подкалывать друг друга – значит, есть шанс вместе побороться за жизнь. Или умереть достойно.

Повернувшись на бок, Петр попробовал впасть в состояние спокойной отрешенности, о котором уже успел подзабыть. Получилось неожиданно быстро, и он заснул.

* * *

Во рту было сухо. Сухо настолько, что язык казался неповоротливым куском вяленого, кислого мяса. Периодически накатывала дурнота, голова кружилась, а перед глазами уже несколько часов стояла пелена, мешавшая различать что-либо в и так не очень-то контрастном пейзаже. Ноги слушались плохо, спотыкаясь буквально о каждый камешек.

В который раз оглянувшись назад, Петр бегло оценил силы спутников. Похоже, что жилистый Лео еще держался, а Дана скоро придется тащить на себе.

Впереди показался большой скалистый выступ, похожий на косой парус. Нужно огибать. Плохо – путь удлиняется на несколько метров.

С трудом повернув непослушное тело, Петр обошел скалу, сделал несколько шагов и остановился в ожидании. Чуть покачиваясь, появился Дан. Лео задерживался. Но вот вышел и он, двигаясь мелкими шажками, однако стараясь держаться прямо.

Обрывки мыслей крутились в голове, повторяясь и следуя ставшим уже почти привычным кольцом.

«...Бросить все, остановиться и лечь...

...Надо двигаться вперед, только вперед. Зачем? Не важно, главное – размеренно и только вперед...

...Тот ручеек в лесу – топкие были берега. Трудно подойти. И не хотелось – мочить ноги в илистой жиже, поднимать комаров и заставлять прыгать лягушек... Зря. Надо было подойти – вода такая чистая и прозрачная...

...Хороший получился отпуск. Жаль, на приглашение барышни ответить не успел – улетел на Марс. Опять на Марс. Надо было сходить в гости, приглашала ведь... А так – бессмысленно все...

...Лечь, надо просто лечь...»

Вроде бы появился небольшой уклон. Или это вестибулярный аппарат начинает отказывать? Нет, похоже, что нет. Еще несколько шагов. Еще два. Еще. Стоп. Надо передохнуть. Как там Дан? Кажется все, уже не может идти. Еще минутку постоим – главное не садиться, а то потом не встать. Все, хватит. Два шага назад. Давай Дан, давай милый, не сопротивляйся. Вот так, обопрись на меня. Пошли потихоньку. Лео, не надо помогать, справлюсь.

Шаг, шаг, еще шаг. Вошли в ритм, наконец-то. Так легче. Шаг, шаг...

Туман перед глазами, чтоб его! Густой какой... Оказывается, мы лежим. Почему лежим? Встаем. Медленно. Встали. Дан, очнись, двигай ногами! Вот так, хорошо. Лео, где Лео? Идет, идет дорогой Лео! Умница!

Покатались. Почему-то покатались вниз. Остановились.

Где Дан? Встать надо! Не получается. И не видно ничего. Попробуем еще раз. Не выходит... Сил уже просто не хватает. Нет больше сил, не осталось совсем.

Ну вот, кажется и все...

* * *

Нет, еще не все! Перед носом маячит здоровенный лист – похоже, какой-то пальмы – весь присыпанный пеплом. Тяжелая голова с трудом поднимается, не хочет отрываться от земли. Может, просто мерещится? Нет, лист покачивается прямо перед носом и даже иногда касается головы. Попробуем-ка его достать рукой... Получилось – лист упругий и крепкий, только скользкий от серой пыли. А теперь попытаемся подтянуться и встать. Медленно, не торопясь. Некуда нам сейчас торопиться... Руки дрожат. Елки-палки, как дрожат-то! Ну ничего, ничего, вот утвердились на карачках, можно и отдохнуть чуток. Оглядеться.

Прямо впереди начинаются редкие заросли серых от пепла растений, отдаленно напоминающих пальмы, только с листьями, растущими как ветви у елки – горочкой. Чуть дальше – более густой и высокий лес. Из таких же пальм и сухих, голых стволов. Картина, прямо скажем, удручающая. Как минимум – глаз не радует.

Лео и Дан неподвижно лежат слева, неподалеку. Лео опять свернулся калачиком, Дан уткнулся носом в землю, неловко

подвернув руки. Живы ли? Чуть позже обязательно проверим, а пока осмотримся, на местности сориентируемся.

Вроде спокойно все. По крайней мере, видимых опасностей не наблюдается. А что это там у нас за пятнышко? Тот же пепел, только более темный. Почему? Первое, что приходит в голову – мокрый. Мокрый пепел. Вода! Скорее туда! Поползли, поползли! Так-так-так, только без излишней спешки, а то сил не хватит. А вдруг и не вода вовсе?! Все равно проверить надо, а разочаровываться заранее тоже не стоит.

Вот и краешек пятна. Пепел более плотный, слежавшийся, маслянистый какой-то. Не то мокрый, не то маслом пропитанный. А дальше? Дальше вроде пожиже и не такой жирный. Точно вода! Ну, где же она? В том распадочке? Нет, там только грязь. Где же? А, вон там, скорее всего! Подползем-ка поближе... Овражек! И ручей! Мелкий, грязный, но ручей! Из настоящей воды!

Точно, это вода. Теплая, мокрая, с ладони стекает. Ах-ты, забыл, что скафандр надет. Может, он умный, сам сообразит, что от него требуется эту воду профильтровать? Ну-ка, попробуем губами втянуть через пленку... Получилось! Капелька... Еще... капельки пошли чаще... струйка... Молодец скафандрик, сообразил!

Ох-х-х, мама дорогая, блаженство-то какое!

Опять повезло! Выжил! Непонятно как, непонятно где – но выжил!!! Видно, на роду написано не от жажды поме-

реть в краю неведомом, а еще как-нибудь. Может, даже существенно позаковыристей, если учитывать последние два месяца... А то от жажды слишком уж банально получается...

Попьем-ка еще, дыхание вроде восстановилось. Так, а теперь надо понять, что с компаньонами делать. Ну-ка Дан, ты жив? Переворачивайся, переворачивайся аккуратненько... Во-о-о-т... Жив, нет? Жив вроде, теплый... Точно жив, веко подрагивает. Ну, слава богу, значит и Лео, скорее всего, тоже – он пожилистей будет, помоложе да повыносливей.

* * *

– Ну, и как ты умудрился нас сюда притащить? – тихим, но уже с оттенками привычной жизнерадостной иронии, чуть надтреснутым голосом спросил Дан. Опираясь на локоть, он полулежал прямо в жидкой серой грязи возле ручейка и, держа на весу полу-оторванную от скафандра, вывернутую наизнанку и наполненную водой перчатку, периодически посасывал ее большой палец.

– Как, как... умудрился, значит... Вот теперь вода у нас есть, а с едой что делать – пока непонятно. Приходите в себя, потом пойдем вглубь этого лесочка, поглядим, что там...

– Как скажешь... В общем правильно, наверное, мыслишь – сначала о хлебе насущном, а уж потом о всяких высоких материях подумаем. Типа – где мы, зачем мы?..

– Ну да! – сидящий чуть в стороне Лео посмотрел на Дана

и поморщился, пытаясь приподняться на одной руке, но сил пока не хватало. – Молодец! Трезво, емко и крайне положительно оценил действия нашего специалиста по выживанию. Осталось только в них поучаствовать. Слабо?

– Уел... Слабо, слабо мне... но только пока! Вот сейчас влагой этой живительной взбодрюсь – и вперед, на покорение... покорение... хм..., просторов неведомых!

– Ну-ну, покоритель... Ты себя сначала покори! А ну как сейчас микробиев каких неведомых наглотаешься – и все, не спасет доктора ни оптимизм природный, ни организм могучий...

– Ну, хватит вам! Пошутили, побалагурили – и хватит. Лучше сейчас поспите немного, восстановитесь – а я пока покараюлю.

– Ладно, уговорил. Лео, ты как насчет вздремнуть – не возражаешь? – Дан поелозил, кряхтя, укладываясь поудобнее и пуская небольшие волны по грязи. Лео просто расслабленно прилег возле низкорослого куста, пристроив голову на локоть.

Петр отвернулся от друзей и начал всматриваться вдаль, пытаясь разглядеть что-нибудь интересное среди деревьев ниже по склону. Ничего интересного увидеть не удалось – более того, однообразная картина навевала сон, и глаза приходилось усилием воли напрягать, пытаясь сфокусировать на одном из голых стволов или макушке елко-пальмы.

Стараясь не позволить себе уснуть, Петр попробовал

вспомнить основные жизненные точки, приведшие его, в конечном итоге, к созерцанию этих серых зарослей, находящихся неизвестно где.

Сначала были карты памяти во всех карманах и зачитанные до дыр бумажные книги на полке с романами о героях-первопроходцах.

Потом первый собственный телескоп и замирание сердца при взгляде сквозь окуляр на дрожащий краешек Луны.

Потом игры на подаренном отцом софте в расчеты оптимальных траекторий полета к планетам Солнечной системы, диплом по экзобиологии в Университете, последний экзамен в Академии, конкурс и зачисление в отряд космонавтов-«марсиан» ... Да уж, достойное завершение! Хотя, почему завершение?! Может, только начало? Хм... Начало чего?

То-есть как чего?! Не зря же это все навалилось в одночасье и позволило пройти через то, что ни одному соотечественнику пока не удавалось? Чтобы вот так, просто, загнуться среди присыпанной пеплом растительности?

Стоп! Хватит рефлексий! Это мы уже знаем, чем кончается, лучше просто на действительности сосредоточимся.

И как бы в подтверждение последней мысли, тело напряглось и взбудоражилось мгновенным ощущением изменения окружающей обстановки. Глаза лихорадочно принялись искать причину и тут же нашли ее – в глубине леса появилось облачко пепельной пыли, поднявшееся с синхронно качнувшихся пальмо-елок.

– Ну, и что ты думаешь? – спросил Лео, приподняв голову над небольшим камнем и напряженно, до болезненного прищура, вглядываясь в заросли. Пыль уже успела осесть, но пять стволов все также синхронно подергивались с периодичностью секунд в семьдесят.

– Пока ничего, – Петр тоже продолжал наблюдать за растениями, но не забывая при этом посматривать и на окрестности. – Если зверюга какая-то – будем надеяться, что рано или поздно либо уползет, либо как-нибудь еще себя проявит. Тогда и поймем, куда и с какой скоростью бечь. На то или иное следствие вулканической деятельности мало похоже, земля бы гудела и дрожала. Хотя кто его знает, тут все по-своему может быть... Лучше ко всему быть готовым. Но вполне возможно, что просто какой-нибудь ручеек наружу пробивается. Или уже пробился.

Дан, замеревший по подбородок в болотце, уже приготовился ядовито высказаться, всем своим телом демонстрируя скепсис, но в этот момент стволы дрогнули три раза подряд, и третий раз – довольно сильно.

Несколько минут напряженного молчания и лихорадочного внимания не дали результата – шевеление больше не повторялось. Спустя еще четверть часа неподвижного наблюдения, Петр приподнялся, замер ненадолго, потом нетороп-

ливо сел. Дан и Лео присоединились к нему, устроившись поудобнее и задумчиво оглядываясь по сторонам.

– Так или иначе, а все время сидеть нам тут в любом случае не с руки, надо бы двигаться. – Произнес Дан задумчиво. – Вот и маршрут сам собой нарисовался. Аккуратненько двинемся в том направлении – может, и обнаружим причины шевеления. Как ни крути – а опасности, если они есть, для нас тут везде одинаковые, потому как незнакомые, – и пояснил, глядя на Лео:

– Может, там нас кто и сожрет. Но с той же вероятностью прямо здесь, не сходя с места, поглочены будем червем каким-нибудь подземным. Или в трещину, неожиданно образовавшуюся, провалимся. Или...

– Не каркал бы ты, соловушка! – Лео остановил вознамерившегося расписать все возможные беды Дана. – Беду накликаешь!

После секундного раздумья Петр приподнялся, потом встал во весь рост. Остальные последовали его примеру, и затем все разом осторожно шагнули вперед. Через несколько шагов пепел под ногами захлюпал жидкой кашицей, и все трое дружно вступили в небыстрый ручеек, аккуратно прошупывая ногами дно. Дно оказалось твердым и на удивление ровным, без бугорков и камней, лишь покрытое тонким слоем не очень вязкого ила. Перейдя по колено в мутной воде ручей, ступили на противоположный берег. Взобравшись по пологому склону, остановились оглядываясь.

– Вроде тихо, – Лео шагнул вперед, но Петр молча придержал его за локоть, призывно махнул рукой Дану и двинулся первым.

Слой пепла, покрывавший почву, с каждым шагом истончался, под ногами все явственней начинали шуршать сухие листья. Деревья стали чуть гуще, появился запах леса, отдаленно похожий на слабый аромат высушенной под солнцем степной травы. Пять выстроившихся в почти ровную линию стволов приближались, но по-прежнему были неподвижны. Наконец, сбавив шаг и подойдя к ним вплотную, Петр и Дан замерли, а Лео чуть наклонился вперед и провел рукой по шершавому стволу и основанию нижнего листа, чуть приподняв его. Ничего не произошло.

Обойдя деревья кругом, внимательно оглядели почву, но среди сухих листьев никаких следов не обнаружилось.

Напряженно вслушиваясь и оглядываясь по сторонам, постояли минуту. Лес не выдавал никаких признаков того или чего, что совсем недавно заставляло шевелиться деревья.

– Что ж, пойдем дальше? – Дан коротко глянул чуть исподлобья на Петра и, как бы подкрепляя вопрос, слегка наклонился вперед.

– Пойдем. – Петр решительно двинулся вглубь леса, Лео и Дан поспешили за ним.

С каждым шагом заросли становились гуще, появился невысокий подлесок и редкие кустики травы с острыми, полосатыми, желто-зелеными листьями по краям и завитыми

в густые кудряшки в середине. Воздух все более насыщался незнакомыми ароматами, набегаящими неожиданными волнами – и также быстро исчезающими.

Через несколько сотен метров заросли травы под ногами настолько сгустились, что стало не видно темно-серой почвы. Сухие листья пропали, кустики травы будто стянулись к стволам деревьев и появилось что-то вроде короткого красноватого мха, лежащего плотным ковром и походившего на густые заросли мелких опят – мягкого, слегка пружинистого и совершенно скрадывающего шаги. Слабый ветерок, тянувший запахи навстречу, не был в состоянии заставить шевелиться растительность, поэтому тишина, наступившая после шуршания травы и сухих листьев под ногами, неожиданно резанула уши и навела легкую тревогу.

Чуть сдержав шаг, осторожно двинулись дальше, но вскоре привыкли к тишине, нарушаемой только дыханием. И зашагали быстрее, периодически слегка сворачивая вправо или влево, но выдерживая направление и поправляясь по эмоциональным подсказкам скафандров.

Выглядевший вполне мирным лес, казалось, не таил в себе никакой угрозы, но чувство притаившейся скрытой опасности постоянно подстегивало двигаться быстро и без остановок.

Неожиданно все стоявшие шагах в пяти по ходу движения деревья синхронно качнулись навстречу, как это уже было на опушке, и все трое моментально остановились и замерли,

сдерживая дыхание и пытаясь справиться с выбросом адреналина в кровь.

Как только деревья успокоились и последние мелкие колебания листьев прекратились, Петр прокашлялся и напряженно крикнул:

– Эй, кто там? Выходи, познакомимся!

В ответ послышалось короткое шуршание, как будто кто-то быстро провел отрезками пластмассовых труб по стволам.

Повисла тяжелая пауза, но уже через секунду раздался гортанный крик, и из-за стволов синхронно вышли и шагнули навстречу человек двадцать, вид которых однозначно не давал повода усомниться в том, что они являются воинами.

* * *

Отведя взгляд от направленных в грудь легких копий с тусклыми металлическими наконечниками, Петр попытался рассмотреть окруживших их чужаков. Невысокие, под метр-семьдесят, хорошо сложенные воины были одеты в легкие юбочки до колен в мелкую желто-зелено-серую клетку и почти незаметные на первый взгляд сандалии с тонкими ремешками, оплетающими лодыжки на греческий манер. Оголенные торсы украшали двузубые кинжалы в светлых кожаных ножнах, висевших на тонкой тесемке. На темноволосых головах красовались прически в виде выгнувшихся и на-

целившихся вперед змей. Лица, несмотря на угрожающие прически, выражали неожиданное спокойствие и добродушие, но выглядели достаточно решительными.

Узкие длинные носы, большие и широко поставленные темные глаза, а также правильные и утонченные черты лица с высокими монголоидными скулами не идентифицировались ни с одной из известных рас, а чуть блестящие от кожного жира красноватые тела в изгибах и складках имели еле заметный зеленый оттенок – тем самым окончательно убеждая в том, что это не Земля, а другая планета.

Повисшее молчание нарушил Дан, шевельнувшись и переступив с ноги на ногу. Лео хмыкнул, оттянул и отпустил край рукава у запястья, который тут же спружинил и втянулся назад с легким хлопком.

Воины, оставаясь по-прежнему спокойными, отступили на шаг, и вперед вышел их старший. Неторопливо и сосредоточенно осмотрев по очереди троих землян, перевел взгляд на небо. Удовлетворившись его видом, пошевелил губами вновь посмотрел на пришельцев и что-то произнес – сначала с утвердительной, потом с вопросительной интонацией. Звуки его речи больше всего напоминали горловое бульканье, перемежающееся щелкающими и шипящими согласными. Язык совершенно незнакомый, непохожий ни на один из земных – но интонации, судя по всему, были схожими.

Петр пожал плечами и, в свою очередь, произнес:

– Не понимаем мы тебя. Увы, дружище! Так что давай по-

пробуем как-нибудь иначе объясняться – знаками там, или жестами...

Внимательно выслушав, тот удовлетворенно кивнул и выкрикнул короткую команду, полуобернувшись назад. Воины положили копья на плечи и быстро выстроились в шеренгу на прогалине между деревьев. Их оказалось шестнадцать.

Затем последовал небольшой спектакль. Глава группы, которого Петр уже мысленно окрестил «сержантом», повелительно шевельнул рукой и из строя вышли трое, тут же построившись в колонну. «Сержант» сделал круговой жест указательным пальцем сначала в сторону этих воинов, потом повторил его в сторону землян. Опять короткий взмах – и еще шестеро отделилось от строя, взяв небольшую колонну в кольцо, после чего все вместе двинулись вперед, сделав четыре шага – и остановились, вопросительно глядя на землян. Стало понятно, что «сержант» предлагает друзьям куда-то отправиться под конвоем.

Ни от «сержанта», ни от остальных воинов совершенно не веяло агрессивностью. Перехватив взгляд одного из стоявшего в строю солдат, Петр уловил в нем искорку добродушного и чуть ироничного любопытства. Так же чувствуя это, Лео тихо спросил:

– А если мы не подчинимся, что будет? Как думаете?

– Вообще-то, подчиниться в наших интересах, – Петр коротко хмыкнул. – В этом лесу мы вряд ли выживем долго, а ребята нас к людям, скорее всего, выведут. Судя по каче-

ству оружия и одежды, дикари они весьма условные. И вероятность оказаться опять в лоне цивилизации довольно высока.

Дан тут же откликнулся:

– О-о-о, душ, полотенце и еда с тарелки! А потом здоровый сон в нормальной постели... Может, даже с прекрасной наложницей... Если только нас в узилище не упекут, не подвергнут ужасающим пыткам и не...

Его прервал «сержант», пророкотав что-то с нажимом в голосе и дважды плавно показав рукой в сторону участников спектакля. Строй распался, шестеро воинов окружили землян, а остальные быстро и бесшумно скрылись в лесу.

Друзья, чуть помедлив, повернулись в затылок друг другу и шагнули вперед. Конвой тоже тронулся, выдерживая дистанцию в пару метров.

Но уже через несколько секунд шедший вторым Лео неожиданно остановился и замер, вздрогнув от толчка упершегося ему в спину Дана. Затем быстро шагнул вперед и ухватил за плечо Петра, остановив и его. А на вопросительные взгляды товарищей ответил:

– Хочу все же понять, что они будут делать, если мы перестанем подчиняться. Почему-то не верится в их полное добродушие.

– Хочешь, чтобы тебя побили? Вот уж не подозревал, что ты мазохист в душе! – тихо произнес Дан и посмотрел в сторону тоже остановившихся воинов.

Шедший впереди «сержант» обернулся, тоже остановился, молча уперся взглядом в Лео и сделал повелительно-приглашающий жест, махнув рукой вперед. Лео отрицательно покрутил головой и все трое, оставаясь на месте, продолжили наблюдать за «сержантом».

Тот наконец понял, что столкнулся с сопротивлением, усмехнулся и коротко рыкнул. Потом произнес пару команд, и конвой отступил назад, а из леса вынырнул один из его солдат и замер рядом, стоя по левую руку.

«Сержант» внимательно посмотрел на землян, затем спокойно взял из рук бойца копье, остро глянул на Лео, и вдруг коротким и быстрым движением воткнул копье в грудь воину. Тут же провернул его, надавил и с глухим звуком ломающихся костей вывернул наружу розовый обломок ребра.

Воин захрипел и опустился на колени, заливая кровью свою юбку и мох вокруг. «Сержант», все также молча, толкнул его ладонью в затылок, уронил лицом в землю и наступил на шею. Резко перенес вес тела на одну ногу, надавил – и опять послышался глухой треск, на этот раз ломающегося позвоночника. Воин умолк и обмяк.

Земляне потрясенно замерли, а «сержант», оставаясь по-прежнему спокойным, воткнул копье в землю рядом с головой трупа, показал пальцем на Лео, потом на мертвого воина и сделал все тот же жест, приглашающий двигаться вперед.

Растерянно оглянувшись, будто в поисках защиты, Лео увидел стоящих полукругом воинов конвоя, недвусмыслен-

но помахивавших открытыми ладошками вперед, будто подгоняя стайку гусей – с приветливыми и терпеливыми улыбками на лицах, как будто они имеют дело с непослушными детьми.

И после секундной заминки, молчаливые и подавленные увиденным, все трое двинулись вперед, стараясь не смотреть на оставшееся лежать под деревом тело. А вновь окруживший их конвой приобрел прежнюю невозмутимость и почти демонстративное отсутствие видимой агрессивности.

* * *

Размеренно двигаясь, повернули влево, и спустя несколько секунд вышли на протоптанную во мху тропинку – которая, в свою очередь, немного попетляв между деревьями, под острым углом влилась в хорошо укатанную проселочную дорогу с неглубокими канавами по бокам. Идти стало легче, но дорога начала подниматься в гору, и подкрадываясь усталость незаметно навалилась на плечи.

Немного отойдя от шока после демонстрационного убийства, Дан, привлекая ноги, глухо произнес:

– Первый раз такое вижу. И не представлял, что можно вот так вот, запросто. Он же вроде ничем от остальных не отличался? В голове не укладывается...

– Я тоже, – Петр обернулся и посмотрел на товарищей. – Главное – держитесь и панике не поддавайтесь, а то вслед от-

правимся. Это у них, судя по всему, запросто. Лео, ты слышишь? Смотри, не учуди чего-нибудь!

Понуро бредущий Лео поднял глаза, полные тоски, и произнес:

– Получается, что его из-за меня, да?

– Прекрати! – Петр повысил голос. – Рефлексии еще предаешься, а пока нам выжить надо! Соберись! Из-за меня, не из-за меня... В местных обычаях после разбираться будем!

– Да я собран. Правда. Ничего не отчебучу, не волнуйся. – Лео отвел глаза и продолжил брести, глядя в сторону, на обочину дороги и подступающие к ней заросли.

– Лучше о другом подумай – с чего это вдруг нас не к ящерам или псевдоподам каким выбросило, а очень даже удачно – в кислородный мир, населенный людьми?

Лео вяло кивнул.

Дорога постепенно выровнялась, уклон вверх стал пропадать, и путники незаметно вышли на небольшую, ровную, утоптанную площадку, обрамленную невысоким кустарником по бокам. С которой открылся вид на окруженную красноватыми горами долину.

Сквозь плотные облака проявилось тусклое, белесое солнце, и расстилавшийся внизу пейзаж своей неожиданной красотой буквально заставил замедлить шаг всю группу.

Ровный круг, образованный горами почти без предгорий, обрамлял зеленую долину, разделенную на аккуратные сек-

тора, в каждом из которых рос свой вид деревьев – судя по разным оттенкам зеленого цвета, – и круглый город точно посредине долины. Построенный из того же красного камня, что и скалы вокруг, с грандиозной белой пирамидой в центре.

Все вместе выглядело очень гармонично: пастельные тона красного и зеленого, плавно перетекающие друг в друга – а скалы, долина, город и пирамида составляли единый ансамбль, напоминающий каплю спустя секунду после падения в воду.

Притягивающая к себе взгляды пирамида была очень похожа на американские – срезанной вершиной и грандиозной лестницей к ней, – но венчалась не прямоугольным храмом с колоннадой, а всего лишь одной невысокой конической колонной, напоминающей наконечник стрелы. Но своими внушительными размерами значительно превосходила все земные – учитывая некоторую возможную погрешность, связанную с расстоянием, высоту пирамиды можно было определить метров в триста с небольшим. А разбегающиеся от нее лучами прямые и широкие улицы, дома вдоль которых становились тем ниже, чем ближе к окраинам, подчеркивали величие и добавляли целостности общей картине.

Задумчивое молчание прервала короткая и рычащая команда «сержанта», и сбавившие шаг солдаты остановились, опустили на одно колено, уперев копыя в землю. И, прижавшись к ним полуопущенными головами, замерли в без-

звучной сосредоточенности, похожей на молитву или клятву.

Растерявшиеся земляне повернулись на месте, но остались стоять – ощущая себя не очень уютно, однако при этом из чувства внутреннего протеста не желая присоединяться к ритуалу пленителей. Однако внимания на них не обращали, как будто и не было чужаков рядом.

Но безмолвный ритуал быстро закончился, все воины одновременно и безо всякой команды встали на ноги и двинулись вперед, подгоняя пленников.

– Эк они, отработано-то. Помолились, поднялись, пошли дальше, – тихо произнес Дан, продолжая неотрывно смотреть на медленно приближающийся город. – А нас даже в расчет не брали, обидно даже! Экая презрительная самоуверенность... неприятно даже как-то! Но насчет цивилизации ты прав – ребята эти далеко в смысле градостроительства ушли. Значит, хотя бы на минимальный комфорт рассчитывать можно. Если только не прирежут нас мимоходом, в назидание еще кому-нибудь...

– Будем надеяться, не прирежут. По крайней мере, сразу, – отозвался Лео. – Петр прав – сначала осмотреться надо, и уж потом будем всякие действия предпринимать. А предпринимать наверняка надо будет. Не уютно мне тут как-то, сбежать точно захочется. Теперь главное, побыстрее понять – куда. И когда.

Дорога постепенно увеличила уклон, затем начала пет-

лять, и вид на город скрылся за невысокой, покрытой пятнами мха скалой.

* * *

Пригород выглядел весьма обычно для человеческих поселений.

Неширокая и прямая, уходящая вдаль улица. Ровные ряды невысоких, аккуратных, одноэтажных домов, скрытых за ухоженными палисадниками. Крики детишек и нечастое чириканье каких-то местных пичуг.

Легкий ветерок доносил запах пыли, незнакомых цветов, пару раз повеяло горячими пряностями – видимо, где-то неподалеку готовили ужин.

В неярком свете заходящего солнца выделялись плоские крыши – по окаймлявшему их бортику шел неширокий каменный орнамент из человеческих лиц, с равнодушием смотрящих вперед, перемежающихся стилизованными, нарочито упрощенными и избыточно завитыми, листьями и цветами. А над каждой крышей, закрывая ее ровно наполовину, размещался легкий покатый навес с натянутой поверх тканью кирпичного цвета, приятно гармонировавший с розоватыми каменными блоками, из которых были построены дома.

Группа воинов с пленниками двигалась по правому краю дороги, вдоль неглубокой, выложенной каменным же бор-

дюром канавки с ручейком на дне, через равные промежутки пересекаемой широкими и чуть горбатыми деревянными мостиками, ведущими к воротам в палисадники.

Все ворота выглядели практически одинаково и не очень внушительно – легкие, желтоватые циновки с изображением все тех же листьев и цветов по углам, висящие внахлест на ажурном деревянном каркасе. Рядом с каждым мостиком возвышался двухметровый шест, увенчанный сосудом из белой глины с прозрачными окошками – по всей видимости, фонарем. Ограду же заменял вьющийся на воткнутых в землю кольях кустарник со здоровенными кривыми колючками, порой весьма редкий и дающий возможность заглянуть во двор.

И Петр, и Лео с Даном с любопытством поглядывали через эти редкие заборы, пытаясь запечатлеть в памяти мимолетные картинки жизни жителей города – старик, сидящий на земле и щурящийся на солнце... двое подростков, сосредоточенно склонившихся над пучком перепутанных разноцветных веревочек... мускулистый мужчина, судя по всему кузнец, натирающий чем-то вроде комка водорослей ручку здорового молота...

За одним из заборов молодая, обнаженная по пояс женщина в короткой цветастой юбке, едва прикрывающей стройные ноги, протирала белой тряпицей прозрачный, увесистый по виду стеклянный шар, держа его на весу чуть выше головы. Голый мальчонка лет четырех периодически под-

бегал к ней сзади, прижимался к ноге и, получив шуточный шлепок тряпицей по носу, с радостным визгом отскакивал.

– Ух ты! – Дан чуть сбился с шага, но тут же выкатил грудь и мужественным жестом провел пятерней по волосам, зачесывая их назад. – Какая красавица!

Услышав его, женщина опустила шар к животу, с доброжелательным любопытством посмотрела на процессию, открыто и весело улыбнулась. Потом жизнерадостно рассмеялась. Затем, поглядев кокетливо на Дана, на секунду сжала локтями грудь, соблазнительно выставив ее вперед, и чуть изогнула стан. И заразительно засмеялась снова. Воины тоже добродушно загоготали вполголоса, а один из них хлопнул Дана по плечу, выражая одобрение.

«Сержант» что-то коротко произнес, и воины послушно замолчали, продолжив движение вперед, но не переставая улыбаться.

– Вот это да! – Дан аж сбился с дыхания и засеменял, заглядывая в лицо то Петру, то Лео. – Вы видели? Нет, вы видели, а? Как она, а?

– Да, лихо! – Петр хмыкнул, чуть искоса поглядев на Дана. – Но ты перья-то не распускай раньше времени, петух гамбургский. Подожди покуда.

– Распускай – не распускай... Как бы там дальше не вышло, но мои мысли насчет здорового сна с прекрасной наложницей под боком вполне могут сбыться! Нравы у них тут, судя по всему, правильные! – Произнеся это, Дан расправил

складки скафандра на груди и бодро зашагал рядом с Петром.

Продолжая двигаться к центру города, прошли перекресток с кольцевой улицей – более узкой и плавно загибающейся ровным полукругом, незаметно теряясь за поворотом вдали.

Начало темнеть, и белесое небо постепенно становилось серо-фиолетовым, на фоне которого громадина приблизившейся пирамиды превратилась в плоский черный силуэт, закрывающий горы и равнодушно нависающий над городом.

Дома пошли чуть выше, незаметно появились двухэтажные, но разглядеть их подробнее уже не получалось – включившиеся непонятным образом фонарики на шестах у ворот засветились неярким, оранжевым светом, погружая в плотные сумерки все, что находилось за заборами.

Наконец процессия свернула на один из мостиков, и после короткого диалога «сержанта» с кем-то, находящимся за воротами, одна из створок, шелестя циновками, открылась. Войдя в темный двор, прошли с десятков шагов и двинулись налево вдоль стены. Резко завернули за угол и почти сразу уперлись в широкую двухстворчатую дверь, которая незамедлительно открылась, обдав путников легким ветерком, несущим ароматы жилища.

Открывший дверь пожилой худощавый мужчина в такой же одежде, что и воины, с любопытством посмотрел на пленников, отступил вглубь равномерно и неярко освещен-

ценного узкого коридора, сделал приглашающий жест рукой и пошел впереди.

Воины пропустили пленников вперед, затем двое из них втянулись в коридор замыкающими, а остальные во главе с «сержантом» остались снаружи.

Ровные стены из светлых каменных блоков. С двух сторон, через равные промежутки – темно-коричневые деревянные двери с коническим верхом, под самым потолком все те же светильники, что и на столбах у ворот, только меньше размером.

Пройдя коридор почти до конца, провожатый толкнул предпоследнюю дверь и шагнул внутрь небольшого, квадратного помещения с широким окном, закрытым изнутри плетеными ставнями.

Войдя следом, Петр осмотрелся – спартанская обстановка комнаты состояла из четырех просторных деревянных топчанов, стоящих вдоль противоположной стены, покрытых серыми покрывалами из грубой ткани, и большого, круглого, тоже серого ковра с коротким ворсом на полу.

Почувствовав какую-то, едва уловимую, неуютность, Петр огляделся еще раз, поднял голову вверх и мысленно вздрогнул от неожиданности – высокий потолок представлял собой массивный каменный барельеф сурового мужского лица, грозно и слегка отстраненно взиравшего вниз.

– Может пройдешь дальше и нам войти позволишь? Что ты там такое интересное углядел? – Дан слегка подтолкнул Петра в спину. Петр чуть отстранился и сделал шаг вперед, пропуская оставшихся в коридоре.

А Дан, войдя, тоже сразу уставился на потолок и присвистнул.

– Серьезные ребята! Это, значит, смотрящий у них такой. Дабы бдил за нами. Неусыпно, неустанно... А на голову нам это личико, случаем, не свалится – эдак невзначай?

– Типун тебе... – Петр даже слегка напрягся.

– «Ти» что мне? – Дан вопросительно глянул на Петра, притворно нахмутив брови.

– Типун-то бишь прыщ на язык. Старорусское название.

– Хм... Благодарствуйте, польщен, весьма польщен! Только почему сурово-то так? Вот так вот сразу – и прыщ?

– Угомонись! Давай лучше посмотрим, что дальше будет. – Петр обернулся назад и увидел Лео, с любопытством оглядывавшего комнату и периодически кидавшего взгляд на потолок, а также обоих охранников, равнодушно стоящих снаружи.

Тем временем провожатый не спеша подошел к топчанам, приподнял и тут же отпустил на одном из них покрывало, повернулся лицом к пленникам и что-то коротко приказал охране. Те неторопливо повернулись и утопали назад по коридору, а провожатый указал широким жестом на топчаны,

предлагая располагаться. Затем коротко и громко поорал, видимо вызывая или поторапливая кого-то.

– А есть-пить нам дадут, или голодом заморить намереваются? – Дан обеспокоено повернулся к провожатому и показал жестами, что хочет есть и пить.

Пожилой мужчина неожиданно усмехнулся, бросил короткий и веселый взгляд на Тима и Петра, потом успокоительно помахал рукой, слегка сморщившись и смежив веки – видимо, для убедительности. Замер на секунду, после чего неторопливо вышел, снова проорав что-то в коридоре. Дверь осталась открытой.

– Интересно. Ушел себе спокойненько, дверь нараспашку оставил... – Дан, притворно кряхтя, присел на краешек топчана, замер на мгновение и нахмурился. – Как будто уверен, что бояться нас не стоит, вряд ли что-нибудь учудим. Определил нас, стало быть, в категорию безобидных кроликов. Послушных и неопасных. Петр, что думаешь?

Петр помолчал пару секунд.

– А ведь правильно определил. Ничего такого «учуждать» мы и впрямь не собираемся. По крайней мере, пока. А самоуверенность его еще и подкреплена чем-то вполне определенным – не стоит забывать про бойцов во дворе, да и в комнатах остальных неизвестно еще кто живет. Плюс наглядный урок наказания за непослушание мы уже получили.

Петр замолк ненадолго, потом продолжил.

– Меня другое напрягает. Статус у нас какой-то неопреде-

ленный – вроде пленники, но в тоже время относятся к нам совсем не враждебно... Если не сказать – дружелюбно... Что настораживает. Жертвенную козочку тоже холят и лелеют... И тут у меня уж больно много ассоциаций с нашими индейцами возникает – одежда, прически, пирамида эта – а у них человеческие жертвоприношения были очень даже в ходу!

– Серьезно? – Дан аж привстал. – По-твоему, мы не кролики, а... а... жертвенные козлы?!

Но готовая сорваться с уст Дана негодующая речь была прервана на корню – в коридоре послышались легкие шаги, и в проеме двери показалась одетая, по местному обычаю, в одну короткую юбчонку, невысокая и стройная девушка, держащая в руках глубокую миску из светлой глины, по размерам приближающейся к небольшому тазику, с горой какой-то разноцветной снеди, украшенной сверху большим розовым цветком.

Замерев на мгновенье на пороге и оглядев с веселым любопытством троих мужчин, она вдруг покраснела и в смущении опустила глаза. Но уже через мгновенье лучезарно улыбнулась, слегка наклонив голову и еле заметно подпернув к ней обнаженное плечико, быстро прошла на середину комнаты и поставила миску точно на середину ковра. Тут же выпрямилась и протянутыми в стороны ладонями показала, что это еще не все, надо подождать. Потом снова окинула взглядом всех троих, опять улыбнулась, резко развернулась на пятке и грациозно выбежала. Из коридора послышались

ее удаляющиеся, легкие и торопливые шаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.